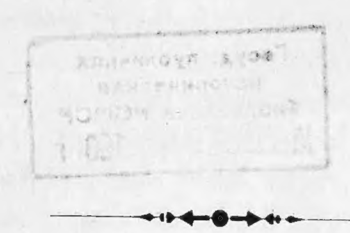
Борисъ Ляпуновъ

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

о

ГОВОРАХЪ

ЛУКОЯНОВСКАГО УѢЗДА НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій просп., № 12.
1894

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи.

Въ бумагахъ, оставшихся послѣ знаменитаго собирателя матеріяловъ по русской діалектологіи покойнаго В. И. Даля, хранившихся у дочери его О. В. Демидовой, находится немало данныхъ для характеристики русскихъ говоровъ. Не все написано рукой самого В. И.; много встрѣчается отдѣльныхъ тетрадокъ, написанныхъ разными руками, очевидно, присылавшихся ему разными лицами. Есть напр. замѣтки о Сибирскомъ нарѣчіи, начало словаря Архангельскаго нарѣчія, разговоры и разсказы, записанные въ разныхъ губерніяхъ. Многое, конечно, изъ этого матеріяла уже напечатано, вошло въ «Толковый словарь» и статью о нарѣчіяхъ русскаго яз. В. И. Даля, но немало могло остаться и ненапечатаннымъ. Хотя, благодаря любезности владѣтельницы этихъ рукописей, предоставившей часть ихъ въ мое распоряженіе, я получилъ возможность разобраться въ нихъ, къ сожалѣнію, однако, я не имѣлъ времени заняться этимъ обстоятельнѣе и рѣшить, что именно напечатано. Это тѣмъ труднѣе, что многое могло быть напечатано позднѣе или раньше въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Нѣкоторые образцы Нижегородскихъ говоровъ, встрѣчающіеся здѣсь вчернѣ, напр. я случайно нашелъ напечатанными даже болѣе полно покойнымъ М. А. Колосовымъ въ «Русск. филол. Вѣстн.» т. I (1879), № 2, стр. 161—163, откуда они перепечатаны также Смирновымъ въ его «Сборникѣ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи», стр. 176—177. Къ числу неизданнаго, кажется, относятся три карты говоровъ Нижегородской губ. (по крайней мѣрѣ мнѣ ничего объ этомъ неизвѣстно); можетъ быть, онѣ не были воспроизведены печатью вслѣдствіе типографскихъ затрудненій, такъ какъ для отмѣтки различныхъ оттѣнковъ говоровъ здѣсь употреблены различные цвѣта. О двухъ изъ этихъ картъ (Княгининскаго и Сергачскаго уѣздовъ) нѣчего и говорить, такъ какъ по неполнотѣ своей (большая часть уѣздовъ оставлена пустой, вѣроятно, по недостаточности данныхъ) онѣ неудобны для напечатанія въ настоящемъ видѣ; третья же карта (Лукояновскаго уѣзда) составлена довольно полно, такъ что важно было-бы её напечатать. Если здѣсь и не все

совершенно и точно въ географическомъ отношеніи (много погрѣшностей въ разстояніяхъ селъ между собою), то во всякомъ случаѣ сдѣлать эту карту извѣстной спеціалистамъ по діалектологіи было-бы нелишне хотя бы для образца, а со временемъ, можетъ быть, удастся болѣе точно и совершенно означить на картѣ говоры всѣхъ уѣздовъ и губерній.

На существованіе этой карты и на помощь, оказанную будто-бы Лукояновскими помѣщиками при этомъ В. И. Далю, бывшему въ 1850-хъ годахъ управляющимъ Нижегородской Удѣльной конторы, намекнулъ еще въ іюлѣ 1892 г. нѣкто (безъ подписи имени) въ одной изъ замѣтокъ въ газетѣ «Русская Жизнь». Не знаю, откуда почерпнулъ авторъ этой замѣтки свѣдѣнія о содѣйствіи Лукояновскихъ помѣщиковъ, но не могу поручиться за то, составлена ли эта карта самимъ Далемъ, или кѣмъ нибудь изъ его помощниковъ, хотя почеркъ объяснительныхъ приписокъ къ ней не такъ рѣзко отличается отъ рукописей, написанныхъ несомнѣнно рукой В. И., какъ нѣкоторые другіе матеріялы; во всякомъ случаѣ, объ авторствѣ этой карты ничего опредѣленнаго я не могъ узнать даже отъ дочери покойнаго.

Къ сожалѣнію, сравненіе данной карты съ картой, напечатанной въ «Нижегородскомъ Сборникѣ», т. II, заставило меня убѣдиться въ весьма существенныхъ неточностяхъ ея относительно пропорціональности и направленія разстояній между селеніями. Не зная навѣрное, насколько можно полагаться на карту Нижегородскаго Сборника, я считаю долгомъ всетаки описать тѣ различія нашей карты отъ нея, которыя мнѣ удалось замѣтить. Различія касаются также иногда названій селъ, изъ которыхъ иныхъ у насъ нѣтъ вовсе, другихъ же, наоборотъ, нѣтъ на картѣ «Нижегородскаго Сборника».

Начнемъ съ сѣвера.—На картѣ Нижегородскаго Сборника рядомъ съ селомъ Саврасовомъ на лѣвомъ берегу рѣки Шнары, впадающей въ Пьяну, стоитъ еще Нов. Саврасово на юго-востокъ отъ него, на правомъ берегу Шнары, а къ сѣв.-западу Бритвино.—Вмѣсто Крюковки Даля въ Ниж. Сборн. Крижовка.—Вмѣсто Фоминой Д. (на Лукояновскомъ трактѣ, къ сѣв.-зап. отъ Лукоянова и Ульянова) въ Ниж. Сб. Осминка.—Къ сѣв.-зап. по направленію къ Арзамасскому уѣзду отъ Стекляннаго Завода, который въ Ниж. Сб. восточнѣе, южнѣе и ближе къ рѣкѣ Алатырю, чѣмъ у Даля, стоитъ на картѣ Ниж. Сб. Пандасъ.—Къ западу отъ Петровки, на границѣ съ Ардатовскимъ уѣздомъ Нижегородской губ., на прав. берегу р. Алатыря, въ Ниж. Сб. еще Григорьевка.—Между Нелеемъ и Елевымъ Врагомъ, который въ Ниж. Сб. къ юговостоко-востоку отъ Нелея, а не къ юго-юго-востоку (почти къ югу), какъ у Даля, въ Ниж. Сб. еще Васильевъ Врагъ.—Между Шутиловомъ, которое къ с.-з. отъ Буцкаго (Буцкой), а не къ *ю. з. з.*, какъ у Д

и Буцкимъ въ Ниж. Сб. еще Соловцево.—Гремячка по Д. къ *ю. з. з.* отъ Прудовъ, по Ниж. Сб. къ сѣв. отъ Прудовъ, ближе къ Шутилову.—Къ югу отъ Б. Ари (находящейся на с. в. отъ Лукоянова) въ Ниж. Сб. еще Ширяевка.—У Д. къ югу отъ Сумароковки близко Петровка, въ Ниж. Сб. она гораздо дальше, къ юго-западу отъ Кельдюшева. У Д. Василевка гораздо западнѣе и ближе къ Елфимову Майдану, чѣмъ въ Ниж. Сб., гдѣ Василевка не къ сѣв.-зап. отъ Б. Поляны и не къ сѣв.-вост.-вост. отъ Красной Поляны, а къ сѣв.-вост.-вост. отъ Б. Поляны и къ юго-вост.-вост. отъ Кр. Поляны, къ юго-вост. отъ Петровки и къ юго-юго-зап. отъ Кельдюшева.—У Д. къ югу отъ Кельдюшева Паракуша, которой нѣтъ въ Ниж. Сб. въ этомъ мѣстѣ, но которая тамъ недалеко къ юго-юго-вост. отъ Кондрыкина Майдана, далѣе же къ югу Дубровка.—Въ Ниж. Сб. Пикшень (у Даля Пекшень) гораздо ближе къ Аникѣевкѣ, чѣмъ къ другимъ деревнямъ, у Д. онъ ближе къ Б. Болдину и Дмитровкѣ.—Въ Ниж. Сб. довольно далеко къ вост. отъ Дубровки—Малиновка, у Д. же она гораздо ближе и къ Дубровкѣ и къ Кондрыкину. Въ Ниж. Сб. Малиновка къ ю.-з. отъ Болдина (Язъ), очень близко, у Д. она далеко къ зап. отъ Яза (Болдина).—У Д. къ сѣв.-вост. отъ Ульяновки, на правомъ противоположномъ берегу р. Инсары, еще Варваровка.—Кромѣ Пестровки (Ниж. Сб. Петровки) въ юго-восточномъ углу уѣзда, у Д. еще М. Петровка къ ю.-з.-з. отъ нея и М. Осинки къ ю.-ю.-з. отъ Осинокъ, а къ зап. отъ М. Осинокъ—Володино, которое въ Ниж. Сб. гораздо дальше къ зап., западнѣе Протасова и Бугровъ, рядомъ съ Любимовомъ.—Рождествено-Пеля (Ниж. Сб.) названо у Д. Пеля Хованская.—Между Вьюшкиномъ и Погиболкой у Д. еще Никольское; къ юго-зап. отъ Ивашевки у Д. еще Николаевка (ближе къ Саранскому тракту и къ границѣ съ Саранскимъ уѣздомъ).—Рядомъ съ Темяшевомъ на р. Ирсети къ юго-зап. въ Ниж. Сб. еще Борки.—Ново-Александровка у Д. къ ю.-з.-з. отъ Селитьбы (Ирсети), близко къ Кріушкѣ (Верякушѣ), въ Ниж. Сб. Александровка къ с.-з. отъ Ирсети, ближе къ Угуевскому Майдану.—Н. Василевка (Ниж. Сб.) близь рѣкъ Ирсети и Верякуши названа у Д. Василевочка (Трегубовка).

На картѣ я отъ себя ничего не прибавляю, кромѣ слѣдующихъ обозначеній: ставлю цифру 55 при параллели, проходящей черезъ сѣверную часть Лукояновскаго уѣзда, и надписи: Ардатовскій уѣздъ Нижегородской губ. въ срединѣ лѣвой стороны карты, (Ардатовскій уѣздъ) — въ правой противоположной сторонѣ (т. е. Симбирской губ.) и р. Инсара.

Способъ обозначеній различныхъ оттѣнковъ говора, а также присутствія

инородческаго элемента состоитъ въ употребленіи различныхъ красокъ—черной, красной, синей, желтой, оранжевой, свѣтло-зеленой и темно-зеленой.

Считаю нелишнимъ изданію этой карты предпослать нѣсколько своихъ собственныхъ замѣчаній и поясненій.

Во первыхъ, необходимо напомнить, что̀ разумѣется подъ терминами «оканье», «аканье», «цоканье», «чваканье» и «дзеканье», употребленными составителемъ карты. «Оканье»—черта консервативная; она указываетъ на то, что въ данномъ говорѣ этимологическое *о* (или *о* изъ *а* въ заимствованныхъ словахъ, напр. собственныхъ именахъ греческихъ) при отсутствіи ударенія на немъ не измѣняется въ *а* (хотя нельзя отрицать, что и въ большинствѣ «окающихъ» говоровъ *о* при иныхъ условіяхъ, т. е. въ слогахъ закрытыхъ, а иногда и открытыхъ непосредственно послѣ слога ударяемаго, или въ слогахъ отдаленныхъ передъ слогомъ ударяемымъ можетъ подвергаться измѣненію въ глухой звукъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ близкій къ *у*); конечно, при этомъ разумѣется также и сохраненіе того ё (*jo*) или *о* (послѣ шипящихъ), которое въ извѣстныхъ случаяхъ независимо отъ ударенія получилось еще въ обще-великорусскую эпоху изъ этимологическаго *е*; новизна только въ томъ, что этотъ обще-великорусскій законъ въ нѣкоторыхъ «окающихъ» говорахъ распространяется и на то *е*, которое восходитъ къ этимологическому *ѣ* [1]). Измѣненіе же этимологич. *а* при отсутствіи на немъ ударенія въ *о* весьма рѣдко [2]). Подъ «аканьемъ», наоборотъ, разумѣется измѣненіе этимол. *о* и *о* (ё) образовавшагося въ болѣе старую эпоху изъ этимолог. *е*, при отсутствіи на нихъ ударенія въ *а* (*я*) или глухой звукъ, близкій къ *а*; такимъ образомъ это черта подновляющая; само собою разумѣется также, что, когда мы называемъ говоръ «акающимъ», то можемъ предполагать въ немъ и другія черты, тѣсно связанныя съ «аканьемъ», напр. измѣненіе ударяемаго *а* (*я*) въ *о* (ё), что̀ весьма понятно, такъ какъ привыкшій безъ ударенія произносить только *а* и никогда *о* можетъ легко сбиться и забыть, требуется ли этимологически *о* или *а*, и вотъ по аналогіи большинства случаевъ, гдѣ *о* (ё) ударяемое и *а* (*я*) неударяемое чередуются между собою въ произношеніи родственныхъ формъ, онъ произноситъ и здѣсь *о* (и ё) вопреки этимологіи: пасо̀жънӑ, падо̀рьнӑ, з а п р ё г.—«Цоканье» можетъ быть двоякое: или это (бо̀льшею частію въ великорусскихъ, особенно сѣверныхъ говорахъ) измѣненіе *ч* въ *ц* или—измѣненіе мягкаго *т* въ мягкое *ц* (черта преимущ. бѣлорусская или польская,

1) Срв. Потебни «Два изслѣдованія» 76—80. Шахматовъ, впрочемъ, и неудар. *о* въ *о*кающихъ говорахъ, какъ и *а* въ *а*кающихъ, непосредственно возводитъ къ *о* склон. къ *а* («Изслѣдован. въ области русск. фонетики», стр. 254 и слѣд.).

2) Срв. Колосова «Обзор. звук. и форм. особ. народн. рус. яз.», 62—64.

но встрѣчающаяся и во многихъ великорус. говорахъ); кажется, обыкновенно подъ этимъ терминомъ разумѣется только первое, второе же бо̀льшею частію кроется подъ терминомъ «дзеканье», подъ которымъ ближайшимъ образомъ собственно разумѣется измѣненіе мягкаго звучнаго *д* въ *дз* (сложный мягкій звучный, соотвѣтствующій мягкому незвучному *ц*). «Цоканье», т. е. измѣненіе этимологическаго *ч* вт *ц*, тѣсно связано съ «чваканьемъ», т. е. измѣненіемъ этимолог. *ц* въ *ч*, и иногда уживается рядомъ съ нимъ; это объясняется тѣмъ, что идеальнаго въ фонетическомъ отношеніи говора въ природѣ не существуетъ, т. е. что фонетическіе законы, не имѣющіе исключеній сами по себѣ, въ жизни языка всегда почти нарушаются дѣйствіемъ другихъ, иногда противоположныхъ имъ. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что въ одномъ говорѣ (строго говоря, имѣющемъ своимъ представителемъ только одно лицо [1]) существуетъ измѣненіе *ч* въ *ц*, а рядомъ съ нимъ въ другомъ обратная черта— измѣненіе *ц* въ *ч*, въ третьемъ, наконецъ, оба звука совпадаютъ въ одномъ среднемъ, какомъ нибудь очень мягкомъ *ц*, близкомъ къ очень мягкому *ч*, вродѣ польскаго произношеніе ć (изъ этимолог. *t* въ сочетаніи съ этимолог. *e* и *ѣ*=польскимъ *ie* и *ia*, этимол. *ĭ* и *ь*, этимол. *ѧ*), очень близкаго на мой слухъ къ сербо-хорватскому ћ (ć), происшедшему изъ сочетанія этимолог. *t* со старымъ и новымъ *j*; очень можетъ быть, что это послѣднее и было свойственно древнему Новгородскому говору, заставлявшему писцовъ путаться и писать то *ц* вмѣсто *ч*, то *ч* вм. *ц*, такъ какъ это среднее произношеніе дѣйствительно существуетъ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ Новгородскихъ говорахъ (мнѣ пришлось въ бытность мою въ Петербургѣ слышать произношеніе Ч у д о в о почти, какъ ћ у̀ д о в о, также м а̀ ћ у х а вм. ма̀чеха отъ крестьянки изъ подъ Чудова) [2]). Какъ скоро представители этихъ говоровъ (можетъ быть, даже въ одномъ селѣ или даже въ одной семьѣ) сталкиваются между собою, они начинаютъ оказывать другъ на друга вліяніе, и вотъ одни слова произносятъ согласно фонетическимъ особенностямъ одного говора, другія согласно фенетическимъ особенностямъ другого [3]); это было бы невозможно только въ томъ случаѣ, если-бы наклонность произносить только *ц* или только *ч* доходила до неумѣнья обратнаго произно-

---

[1]) Срв. Delbrück, «Einleitung in das Sprachstudium», 123, 129; тоже говорилъ и покойный Потебня, ссылаясь также на Paul, «Principien der Sprachgeschichte».

[2]) Впрочемъ, возможно уже и въ древнее время существованіе такихъ говоровъ, въ которыхъ происходитъ дѣйствительное чередованіе звуковъ *ц* и *ч*; сравн. соображенія Шахматова о смѣнѣ *ч* и *ц* въ Новгородскихъ грамотахъ («О языкѣ Новгород. грам.», 172—173).

[3]) Это періодъ того «Schwanken», о которомъ говоритъ Sievers («Grundzüge der Phonetik» 226; срв. Delbrück «Einleitung in d. Spr.», 124.

шенія. Еще можно представить себѣ возникновеніе говора смѣшивающаго *ц* съ *ч* такимъ образомъ, что говоръ съ среднимъ идеальнымъ произношеніемъ очень мягкаго *ц* (=мягк. *ч*) заимствуется группой людей, до этого рѣзко различавшихъ въ своемъ говорѣ эти два звука, и вотъ, не будучи въ состояніи уловить тонкаго произношенія своего прототипа, они сбиваются то на *ц*, то на *ч*, можетъ быть, въ зависимости отъ разныхъ фонетическихъ условій, т. е. отъ окружающихъ звуковъ. Такимъ образомъ передъ глазами наблюдателя возникаютъ кажущіяся «исключенія» въ дѣйствіяхъ звуковыхъ законовъ [1]).

Не совсѣмъ ясно, что разумѣется подъ словами: «говоръ средній между *а* и *о*»; но, вѣроятно, подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть говоръ, въ которомъ неударяемое *о* слышится не какъ ясное *а*, а какъ глухой звукъ краткій, средній между *а* и *о* [2]); это именно свойственно говорамъ переходнымъ отъ «акающихъ» къ «окающимъ», и въ этомъ смыслѣ справедливо выраженіе «средній»... Это произношеніе присуще большинству «образованнаго» класса, особенно Москвы и центральныхъ губерній, въ народныхъ же говорахъ не рѣдко встрѣчается въ соединеніи съ «йканьемъ», очень распространеннымъ во всей средней переходной великорусской полосѣ, совершенно, однако, напрасно, мнѣ кажется, приписываемымъ проф. Соболевскимъ [3]) «нашему» говору, если онъ подъ «нашимъ» разумѣетъ языкъ такъ называемаго образованнаго класса, такъ какъ большинство этого послѣдняго, насколько мнѣ приходилось наблюдать, никогда не произноситъ яснаго *и* вмѣсто неудар. *е* или вмѣсто *а* (*я*) послѣ мягкаго согласнаго, а большею частію звукъ неясный глухой средній между *й* (*ɜ*) и *ĕ*; но несомнѣнно, что это «йканье», а въ связи съ нимъ и измѣненіе неудар. этимологическихъ *о* и *а* въ *ы*, наблюдаемыя въ однихъ говорахъ только въ извѣстномъ болѣе отдаленномъ отъ ударенія положеніи, въ слогѣ, предшествующемъ ему, или въ слогѣ непосредственно слѣдующемъ за удареніемъ, но закрытомъ, въ другихъ же говорахъ наблюдаемыя чаще и переходящія указанныя границы, генетически связаны съ этимъ среднимъ произношеніемъ: стоитъ только этотъ обыкновенный у большинства глухой звукъ произнести протяжнѣе, и мы получимъ почти чистыя *и* или *ы*; при этомъ надо замѣтить, что появленіе *ы* вм. *о* (*а*) рѣже и ограниченнѣе, чѣмъ появленіе *и* вм. *е* (или *я*, т. е. *а* съ предшеств. *J*

---

[1]) «Auf induktiv. Wege kann die Ausnahmlosigkeit der Lautgesetze nicht bewiesen werden», говоритъ Delbrück («Einleitung»... 116).

[2]) Это, конечно, зависитъ отъ качества слога (начало, середина, закрытость, открытость послѣ ударенія или передъ нимъ, и за сколько слоговъ до него); срв. А. А. Потебни «Два изслѣдованія о звук. рус. яз.» 66—68; А. И. Соболевскаго «Очеркъ русской діалектологіи» въ «Живой Старинѣ» 1892, вып. I, стр. 10.

[3]) Тамъ-же.

или небнымъ согласн.). Это «йканье», не отмѣченное, къ сожалѣнію, составителемъ карты, вѣроятно, и кроется въ его говорѣ, «среднемъ между *а* и *о*».

Во вторыхъ, я намѣренъ сдѣлать нѣсколько географическихъ и историко-этнографическихъ разъясненій, на сколько это въ моихъ силахъ.

Лукояновскій уѣздъ—самый южный изъ уѣздовъ Нижегородской губ.; онъ лежитъ въ юго-восточномъ углу ея и граничитъ на востокѣ съ Ардатовскимъ уѣздомъ Симбирской г., на югѣ съ Саранскимъ Пензенской г., на западѣ—съ Краснослободскимъ Пензенской и съ Ардатовскимъ и Арзамасскимъ Нижегородской г., на сѣверѣ съ Арзамасскимъ и Сергачскимъ Нижегородской г. Онъ отличается большимъ разнообразіемъ говоровъ, которое обусловливается характеромъ русской колонизаціи въ этой мѣстности. Какъ извѣстно, южная часть Нижегородской и сѣверная Пензенской г. были искони мордовскимъ краемъ. Мордва искони раздѣлялась на двѣ вѣтви: сѣверную (Эрзя) и южную (Мокша). Первая отличается большей культурностью и уже въ средніе вѣка имѣла своихъ князей, воевавшихъ съ русскими Суздальскими и Нижегородскими, имѣла и укрѣпленные пункты (тверди) [1]; на ея землѣ стоитъ теперь русскій городъ съ инородческимъ названіемъ Арзамасъ. Вторая до сихъ поръ отличается большей дикостью и грязнымъ образомъ жизни и въ нравственномъ отношеніи, по словамъ Н. И. Руспнова [2]), стоитъ ниже Эрзянъ. Послѣ того, какъ пало мордовское княжество, безпокоившее Суздальскихъ и Нижегородскихъ князей, русская колонизація въ этомъ краю усилилась, а Мордва частію постепенно отступала на югъ, частію стала жить въ болѣе глухихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ, а иногда и среди Русскихъ по сосѣдству и даже въ одномъ съ ними селѣ; такія села (половинныя), извѣстныя мнѣ въ южной части Курмышскаго у. Симбирской г., встрѣчаются, какъ видно изъ карты, и въ Лукояновскомъ уѣздѣ. Кромѣ того, Мордва довольно быстро русѣетъ. «Что касается Мордвы, то надо полагать», говоритъ упомянутый авторъ статьи о Лукояновскомъ уѣздѣ въ Нижегородскомъ Сборникѣ [3]), «что ея было гораздо больше, что доказывается... названіями селъ и деревень; но мало-по-малу Мордва обрусѣла, бросила свой оригинальный костюмъ и стала даже чуждаться своего коренного языка, такъ напр., всѣ села государственныхъ крестьянъ, расположенныя на югѣ уѣзда, когда-то окруженныя дремучими лѣсами и корабельными рощами,—Азрапино, Наруксово и проч.—со-

---

[1]) Иловайскій, «Исторія Рязанскаго княжества», стр. 73.

[2]) «Нижегородскій Сборникъ», т. II (1869 г.), стр. 23.

[3]) Тамъ-же 21—22. Возможностью воспользоваться этимъ изданіемъ въ Харьковѣ я обязанъ секретарю Харьковскаго статистическаго комитета В. В. Иванову, по рекомендаціи проф. Багалѣя допустившему меня къ пользованію библіотекой комитета.

стояли не только изъ Мордвы, но даже изъ племени Мокшанъ, самаго дикаго и неподатливаго на обрусѣніе. Если же національность еще сохранилась въ двухъ сосѣднихъ съ первыми селахъ, т. е. въ Печахъ и Темяшевѣ, то это свидѣтельствуетъ только о позднѣйшемъ переселеніи народа изъ-за Мокши, Пензен. г., гдѣ племя Мокшанъ до сихъ поръ живетъ значительными группами, не поддающимися никакой цивилизаціи; тогда какъ въ Лукояновскомъ у. священники и школы имѣютъ значительное вліяніе на Мордву, и по тѣмъ видимымъ успѣхамъ, которыхъ достигаютъ ученики, можно навѣрное сказать, черезъ десятокъ лѣтъ національность темяшевской Мордвы окончательно исчезнетъ» [1]). Что касается мордовскихъ селъ, то перечисленіе ихъ въ статьѣ Русинова въ общемъ согласно съ обозначеніемъ на картѣ Даля, но есть и различія: у Русинова Саитовка отнесена къ мордовскимъ селамъ, а у Даля, судя по краскамъ, она русская съ «акающимъ», «цокающимъ» и «дзекающимъ» говоромъ; у Русинова оба Пермѣева мордовскія, у Д. одно (южное), судя по черному цвѣту, русское и *о*каетъ; кромѣ того, у Даля мордовскихъ селъ больше въ сѣверной части уѣзда; у Русинова не упомянуты выкрашенныя у насъ въ темно-зеленый цвѣтъ (=Мордва—Эрзя) Старые, Средніе и Новые Пичингуши, Ракшазонъ [2]) и Аникѣевка. Относительно Мордвы—Мокши оба согласны, называя только два села: Печи и Темяшево.

Къ сожалѣнію, вопросъ о вліяніи языка инородцевъ на языкъ русскихъ колонистовъ остается до сихъ поръ открытымъ; для рѣшенія его необходимо основательное знакомство не съ однимъ мордовскимъ нарѣчіемъ, а съ сравнительной фонетикой вообще финскихъ нарѣчій, кромѣ основательнаго знанія словянскихъ нарѣчій; однимъ словомъ, требуются знанія, которыя рѣдко могутъ соединяться въ одномъ лицѣ. Но и то, что сдѣлано въ этой области, заслуживаетъ полнаго вниманія и благодарности, я разумѣю труды покойнаго Веске, а также недавно вышедшій трудъ молодого ученаго Mikolja «Die Berührungen unter dem Westfinnischen und Russischen», на который обратилъ мое вниманіе профес. М. Е. Халанскій; при бѣгломъ просматриваніи его я замѣтилъ, что словян. *о* въ заимствованныхъ Финнами словахъ часто передается черезъ *а*; упоминаю это не для того, чтобы отъ финскаго вліянія производить южно-великорусское аканье, но всетаки на такіе факты стоитъ обращать вниманіе. Трудъ г. Миколи уже потому заслуживаетъ вниманія, что самъ онъ прошелъ школу проф. А. А. Потебни.

---

[1]) Къ числу обрусѣвшихъ селъ мордовскихъ въ Казанскихъ «Извѣстіяхъ общества археологіи, исторіи и этнографіи», т. XI, вып. 3, стр. 286—287 отнесены Тагаево и Кармалеи.

[2]) Что въ этомъ селѣ есть Мордва и теперь, мнѣ извѣстно изъ сообщенія тамошняго землевладѣльца, прив.-доцента Харьковскаго университета В. А. Стеклова.

Что касается родины основного зерна русскаго населенія, поселившагося здѣсь, времени первыхъ поселеній, основанія самаго города Лукоянова и т. п., то мои поиски для опредѣленія этого въ разныхъ историческихъ трудахъ остались неудовлетворительными. Быть самому въ Лукояновѣ и Лукояновскомъ уѣздѣ и на мѣстѣ поискать какого либо архивнаго матеріала для исторіи здѣшней колонизаціи мнѣ не пришлось, да я и не считаю себя подготовленнымъ къ работѣ подобнаго рода, которую предоставляю спеціалистамъ историкамъ, хотя и не отрицаю возможности найти что либо. Вслѣдствіе этого я постараюсь подойти къ рѣшенію этого вопроса косвеннымъ путемъ при помощи трудовъ, посвященныхъ спеціально исторіи сосѣднихъ съ Лукояновскимъ краемъ мѣстностей, а именно Иловайскаго («Исторія Рязанскаго княжества»), Перетятковича («Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка»... 1882 г.») и Дубасова («Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края» 1883—1887 [1]), предполагая, что край этотъ былъ искони приблизительно въ одинаковыхъ этнографическихъ условіяхъ съ мѣстностями, составлявшими нѣкогда восточныя окраины Рязанскаго, а также южныя Нижегородскаго княжества, т. е. нынѣшними: губерніей Пензенской, Ардатовскимъ и Курмышскимъ уѣздами губ. Симбирской, Ардатовскимъ, Арзамасскимъ и Сергачскимъ уѣздами губ. Нижегородской и сѣверными уѣздами Тамбовской. Перечисленныя мѣстности окружаютъ Лукояновскій край кольцомъ, и нетрудно догадаться, что историческія данныя относительно ихъ приложимы и къ нему тѣмъ болѣе, что косвенные намеки на мѣстности Лукояновскаго края мы находимъ и въ двухъ послѣднихъ изъ названныхъ трудовъ. Древнѣйшее населеніе всей этой мѣстности, какъ я уже упоминалъ, было Мордва, которая въ древности занимала гораздо большее пространство по направленію съ юга на сѣверъ, чѣмъ теперь, а именно на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ отъ Тамбова на сѣверъ и сѣверо-востокъ черезъ всю почти Тамбовскую и правобережную часть Нижегородской губ. до Нижняго-Новгорода и Василя-Сурска [2]). Но вопросъ въ томъ, откуда и когда пришли сюда первые русскіе поселенцы. Можно бы было думать, что здѣсь столкнулось два теченія: одно сѣверное или сѣверо-западное, двигавшееся отъ Нижняго-Новгорода, и другое западное,

---

[1]) Указаніемъ на эти книги и отчасти пользованіемъ ими я обязанъ проф. Д. И. Багалѣю и В. И. Саввѣ.

[2]) На стр. 6 «Памятной книжки Нижегородской губ». 1865 г. говорится, что Мордва живетъ въ слѣдующихъ уѣздахъ: Нижегородскомъ, Арзамасскомъ, Княгининскомъ, Василь-Сурскомъ, Сергачскомъ, Лукояновскомъ и Ардатовскомъ; слѣдовательно, и въ наше время она встрѣчается не только въ южныхъ, но и центральныхъ уѣздахъ Нижегородской губ. Срв. также «Историческій очеркъ Василь-Сурскаго уѣзда» (Нижній-Новгородъ) Н. Демидова, стр. 5—6.

двигавшееся изъ стараго Рязанскаго княжества. Но историческіе памятники слишкомъ скудны данными въ этомъ отношеніи. О свободной колонизаціи древнѣйшаго времени мы не знаемъ почти ничего. Что же касается болѣе новаго времени—XVI—XVII в., то мы знаемъ, что здѣсь, т. е. на границахъ Нижегородской и Пензенской губ. проходили сторожевыя линіи, на которыхъ селились обыкновенно разные служилые люди изъ различныхъ мѣстностей. Населеніе сторожевыхъ городковъ было также весьма разнообразно и набиралось не только изъ сосѣднихъ, но и болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Напр. о Пензѣ извѣстно, что «населеніе ея состояло изъ Черкасъ, которые переселены сюда изъ конныхъ казаковъ Троицкаго острога (Воронежской губ.), пѣшіе же казаки собраны были изъ разныхъ мѣстъ; да кромѣ того конные служилые люди присланы были двукратно изъ Шацка»...[1]). Много служилыхъ людей получало также помѣстья и вотчины. Для состава крестьянскаго населенія важно обращать вниманіе и на переселеніе служилыхъ людей, такъ какъ, во первыхъ, они часто переселяли своихъ крестьянъ изъ старыхъ помѣстій и вотчинъ въ новыя, во вторыхъ, многіе служилые люди въ качествѣ бѣдныхъ однодворцевъ со временемъ вполнѣ сливались съ крестьянами: мнѣ напр. извѣстно, что есть такіе «дворяне», которые сами пашутъ и бѣднѣе нѣкоторыхъ мѣстныхъ крестьянъ, въ Курмышскомъ уѣздѣ. Но надо еще замѣтить, что служилыми людьми Московскаго государства бывали не одни Русскіе, а и многіе татарскіе мурзы, принявшіе московское подданство, которые не только утверждались во владѣніи занятыхъ ими раньше помѣстій въ этихъ мѣстностяхъ, но и надѣлялись новыми, часто не измѣняя магометанству. Такимъ образомъ явилось у насъ много дворянскихъ фамилій татарскаго происхожденія, которые владѣли крѣпостными русскими крестьянами или Мордвою, и только при Петрѣ I многія изъ нихъ обратились въ христіанство [2]). Потомки этихъ фамилій и теперь очень нерѣдко встрѣчаются между помѣщиками Тамбовской, Нижегородской, Пензенской и Симбирской губ., часто передавъ свои имена и своимъ помѣстьямъ, такъ что, кромѣ мордовскихъ, татарскихъ и чисто-русскихъ названій селъ и деревень въ этихъ губерніяхъ можно встрѣтить и названія съ корнями татарскими или мордовскими, но съ присоединеніемъ суффиксовъ, а иногда и цѣлыхъ словъ русскихъ; сравн. напр. въ Лукояновскомъ уѣздѣ село Д и в ѣ е в ъ—Усадъ и фамилію Д и в ѣ е в ы, упоминаемую Дубасовымъ въ числѣ дворянскихъ инородческаго происхожденія [3]); упоминаемые тамъ-же въ числѣ тамбовскихъ

1) Перетятковичъ, «Поволжье», стр. 234, сноска.

2) Дубасовъ, «Очерки изъ исторіи Тамб. края», вып. 3, гл. I, стр. 39

3) Ibid. вып. I, гл. IV, стр. 13.

фамилій XVIII вѣка Енгалычевы извѣстны теперь и въ Курмышскомъ уѣздѣ Симбирской губ.; тамбовская татарская фамилія Ишеевъ (ib. 3, I. 39) теперь извѣстна въ названіи татарской деревни Васильсурскаго уѣзда, Нижегородской губ.; разумѣется, весьма многія названія повторяются въ разныхъ губерніяхъ, а многія мѣстныя фамиліи сдѣлались общеизвѣстными въ Россіи. Конечно, вмѣстѣ со служилыми людьми изъ Татаръ не мало было и крестьянъ, если только не предположить, что нынѣшніе Татары—крестьяне въ этихъ губерніяхъ суть отатарившіеся туземцы Мордвы или Мещера. Татарскихъ селъ и теперь не мало въ Курмышскомъ, Сергачскомъ и друг. уѣздахъ этихъ губерній, а въ XVI в. сѣверные, ближайшіе къ Нижегородской губ., уѣзды Тамбовской губ. Темниковскій и Кадомскій (послѣдній теперь за штатомъ) были почти исключительно мордовскими и татарскими [1]). Удивительно, что на находящейся въ нашемъ распоряженіи картѣ Лукояновскаго уѣзда татарскихъ селъ не отмѣчено совсѣмъ.

Ближайшая къ южной части Нижегородской губ., а слѣдовательно и къ Лукояновскому уѣзду сторожевая линія проходила въ XVI в. черезъ Алатырь (Симбирской губ.) и Темниковъ (Тамбовской губ.) [2]). Къ сожалѣнію, мы знаемъ только главнѣйшіе пункты сторожевыхъ линій, т. е. города, а потому и не можемъ точно опредѣлить, какъ именно шла такая-то сторожевая линія, но если мы взглянемъ на карту и проведемъ прямую линію отъ г. Алатыря къ Темникову, то она пройдетъ какъ разъ черезъ южную часть Лукояновскаго уѣзда, а потому можно предположить, что уже въ XVI вѣкѣ въ Лукояновскомъ уѣздѣ были русскія поселенія.

Ближайшій городъ Пензенской губ., лежащій на югъ отъ Лукояновскаго уѣзда, Саранскъ отмѣчается Перетятковичемъ на картѣ, приложенной къ его сочиненію, какъ основанный въ XVII в., а изъ него въ 1681 г. переводятся служилые люди для засѣчной и сторожевой службы въ восточную часть Пензенской губ. [3]). Слѣдовательно, колонизація мѣстности къ югу отъ Лукояновскаго уѣзда началась только съ XVII-го столѣтія (по крайней мѣрѣ оффиціально).

Что касается мѣстностей, лежащихъ къ сѣверу отъ Лукояновскаго уѣзда, то тамъ, по крайней мѣрѣ до рѣки Пьяны на югъ и юго-востокъ, т. е.

---

[1]) Дубасовъ, ib. I, стр. 156.

[2]) Д. И. Багалѣй, «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московск. госуд.», т. I, стр. 36. Города Алатырь, Темниковъ, Кадома и Шацкъ входили въ половинѣ XVI-го в. въ составъ передней линіи укрѣпленій, къ юго-востоку отъ которой тогда сейчасъ же лежала степь. Д. И. Багалѣй ссылается на сочин. Бѣляева «О сторожевой станичной и полевой службѣ».

[3]) «Поволжье»... 235.

въ нынѣшнихъ уѣздахъ Нижегородскомъ, Княгининскомъ, части Сергачскаго [1]) и Курмышскаго русскія поселенія были уже въ XIV-мъ столѣтіи, хотя они могли быть и раньше, вскорѣ послѣ извѣстной борьбы основателя Нижняго-Новгорода Юрія II съ мордовскимъ княземъ Пургасомъ въ началѣ XIII в. [2]). Говоря объ опустошеніяхъ, произведенныхъ Арапшею въ 1377 или 1378 г. [3]), лѣтописцы называютъ гостя Тараса Петрова, у котораго Моголы разорили 6 «цвѣтущихъ, многолюдныхъ селъ, купленныхъ имъ у Князя за рѣкою Кудимою» [4]) (вѣроятно, Кудьмою, какъ она называется теперь, которая и теперь течетъ въ нынѣшнемъ Нижегородскомъ уѣздѣ и впадаетъ въ Волгу); надо замѣтить, что «за Кудьмою» — очень неопредѣленно, такъ какъ позднѣе напр. Закудемскій станъ занималъ «обширную страну между р. Кудьмою и р. Сурою», и Сергачь въ XVII в. былъ волостнымъ селомъ этого стана [5]). Сталкиваясь и воюя съ Мордвою и Татарами, Русскіе сами, несомнѣнно, селились среди нихъ подобно тому, какъ селятся теперь среди сплошного чувашскаго населенія по правому берегу р. Суры въ Симбирской и Казанской губ. Съ другой стороны, масса Мордвы, не имѣя возможности вслѣдствіе незнанія русскаго языка сопротивляться злоупотребленіямъ русскихъ служилыхъ людей въ XVI—XVII в., разбѣжалась въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVII-го столѣтія отъ притѣсненій и налоговъ въ разныя стороны [6]). Конечно, оставшіяся пустыми земли тѣмъ удобнѣе могли быть заняты Русскими. Что довольно рано русскія поселенія распространились на востокъ до р. Суры, доказываетъ существованіе на ней не только Курмыша на лѣвомъ берегу, но и села Алгашей, которое теперь гораздо далѣе Курмыша на югъ по правому берегу р. Суры, уже въ самомъ началѣ XV-го столѣтія [7]). Торговое село Спасское въ Васильсурскомъ уѣздѣ, въ 30 верстахъ къ западу отъ Курмыша, основано еще въ 1399 г. [8]). Такимъ образомъ, можно думать, что приблизительно къ концу XV-го столѣтія большая часть нынѣшней Нижегородской губ. до юго-восточныхъ ея предѣловъ, а къ половинѣ XVI-го и самыя южныя окраины ея, т. е. Лукояновскій уѣздъ, не были лишены русскихъ поселковъ.

---

[1]) Княгинино и Сергачь въ XVII в. были еще селами Нижегородскаго уѣзда («Поволжье»... 285, 286—7).

[2]) Иловайскій, «Истор. Рязанск. княж.», стр. 72—73.

[3]) Карамзинъ, «Истор. госуд. Россійск.», т. V (изд. Смирдина ,1852), стр. 50—52. Новгор. лѣтопись по списку Арх. ком. подъ 1378 г., изд. 1888 г., стр. 366.

[4]) Карамзинъ, ibid., 52.

[5]) Перетятковичъ, «Поволжье»... 277, 286—7.

[6]) Ibid. 38.

[7]) Грамота 1406 г. Василія Дмитріевича (изд. Румянцева).

[8]) «Историч. очеркъ Василь-Сурскаго уѣзда Нижегородской губ.» Н. Демидова, стр. 11.

Кромѣ служилыхъ людей, важную колонизаторскую роль играли монастыри. Въ Тамбовско-Шацкомъ краѣ напр. намъ извѣстна дѣятельность нѣкоторыхъ сѣверо-западныхъ монастырей, какъ Кириллова-Бѣлозерскаго, переводившаго на новыя свои вотчины крестьянъ изъ Бѣлозерскаго и Пошехонскаго уѣздовъ[1]), слѣдовательно изъ мѣстностей сѣверно-великорусскихъ («окающихъ»). Тоже самое слѣдуетъ сказать какъ о вольныхъ сходцахъ, такъ и о бѣглыхъ крестьянахъ, искавшихъ здѣсь убѣжища или на совсѣмъ дикихъ поляхъ или на земляхъ, принадлежавшихъ монастырямъ или новымъ служилымъ людямъ въ новомъ краю. Всѣ эти новые переселенцы должны были пестрить этнографическій составъ новаго края, какъ свидѣтельствуетъ напр. извѣстіе о вотчинахъ Новоспасскаго монастыря въ нынѣшнемъ Спасскомъ уѣздѣ Тамбовской губ., на которыя приходили не только изъ уѣздовъ сравнительно ближайшихъ—Саранскаго и Ломовскаго Пензенской губ., Арзамасскаго Нижегородской, но и болѣе отдаленныхъ, несомнѣнно, сѣверно-великорусскихъ (*о*кающихъ)—Владимирскаго, Костромского, Юрьевскаго[2]). Эта вольная колонизація могла начаться гораздо раньше оффиціальной, но о ней мы не имѣемъ болѣе раннихъ извѣстій.

Для колонизаціи Лукояновскаго края не безъ значенія также «будное майданное дѣло», т. е. выдѣлываніе поташа изъ золы, столь распространенное нѣкогда въ разныхъ мѣстностяхъ Тамбовской, Пензенской и Нижегородской губ. Этотъ промыслъ, извѣстный особенно въ XVIII-омъ столѣтіи, процвѣталъ уже и въ XVII-мъ. Имъ занимались преимущественно безземельные крестьяне, майданники[3]), бывшіе въ Тамбовскомъ краѣ подъ командою Починковской поташной конторы. Интересно знать, о какихъ это Починкахъ идетъ рѣчь у Дубасова. Можетъ быть, это тѣ Починки, которые теперь извѣстны какъ заштатный городъ въ южной части Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губ., хотя и нельзя быть въ этомъ увѣреннымъ, такъ какъ слова Починки, Починокъ и т. п., какъ мѣстное названіе, означающее нѣчто почáтое, затронутое человѣческой рукой, особенно говоря о вырубленномъ мѣстѣ среди лѣсовъ, встрѣчаются во многихъ мѣстахъ лѣсной или пограничной съ лѣсной полосы Россіи[4]). Дубасовъ (стр. 95,

---

[1]) Дубасовъ, «Очерки изъ ист. Тамб. кр.», стр. 37, вып. 4-ый.
[2]) Дубасовъ, «Очерки изъ ист. Т. кр.» 39, 44, 45 (вып. 4).
[3]) Перетятковичъ, «Поволжье»... 275, 279 и др.; Дубасовъ, вып. 1, стр. 170.
[4]) На картѣ въ одномъ старомъ атласѣ (начала XIX столѣтія?—Заглавн. листъ утерянъ) отмѣчены Починокъ въ Ардатовскомъ уѣздѣ Симбир. губ. и Починки недалеко отъ верховьевъ р. Инсары въ Пензенск. губ., но оба эти села означены менѣе крупно, чѣмъ заштатный городъ Лукоян. уѣзда. О словѣ починокъ см. у Потебни, «К истор. звук.» IV, 22—23.

вып. I) упоминаетъ о проектѣ христіанскаго просвѣщенія Мордвы, принадлежавшемъ во второй половинѣ XVII-го в. поддьячему Починковской конторы (поташной) Василью Симонову. Будные станы упоминаются въ концѣ XVII-го в. въ этихъ мѣстностяхъ: въ 1678 г. напр. написаные въ переписныхъ книгахъ крестьяне села Сергача Нижегородскаго уѣзда, отецъ и сынъ, и сказано, что отецъ платилъ на будные станы по 2 четверти золы [1]. Слѣды этого промысла, на который шли преимущественно бобыли въ нынѣшнемъ Васильскомъ уѣздѣ Нижегородской губ.—Березовый и Огневскій Майданы, которые упоминаются еще въ XVII в. въ Нижегородскомъ уѣздѣ и самое названіе которыхъ указываетъ на занятіе ихъ жителей [2]; въ Пензенской губ., недалеко къ востоку отъ Краснослободска, отмѣченъ на старинной картѣ «Поташной» (заводъ). Съ этимъ промысломъ въ народномъ преданіи связано основаніе нѣкоторыхъ селъ. Такъ напр. изъ «описанія села Елфимова Майдана Лукояновскаго уѣзда» священника Прогрессова [3] узнаемъ, что, по словамъ старожиловъ, это село получило такое названіе «отъ перваго поселенца Ефима, по народному нарѣчію Ялхима, который, поселившись въ дремучемъ лѣсу, на устьѣ рѣчки, занимался вареніемъ поташу изъ вязовой золы»... Въ связи съ этимъ промысломъ, кажется, находится и появленіе въ Лукояновскомъ уѣздѣ среди русскаго населенія особой этнографической группы, къ которой принадлежитъ населеніе Елфимова Майдана вмѣстѣ съ населеніемъ нѣсколькихъ смежныхъ съ нимъ селъ и деревень. Среди мѣстнаго населенія оно слыветъ подъ названіемъ «пановъ» или «бутаковъ» и на нашей картѣ отмѣчено оранжевымъ цвѣтомъ; первое прозвище характеризуетъ ихъ народность: это переселенцы изъ западныхъ губерній, второе—ихъ занятіе и указываетъ, мнѣ кажется, на то, что они были поселены первоначально преимущественно для выдѣлки поташа, если ставить это названіе въ связь съ «буднымъ» дѣломъ; но я долженъ сознаться, что для меня неясны какъ чередованіе *д* съ *т*, такъ и самая этимологія этихъ словъ. Относительно времени ихъ поселенія и мѣста ихъ выселенія трудно дать вполнѣ опредѣленныя свѣдѣнія. Можно бы было рѣшить это отчасти на основаніи разбора ихъ языка, но я принужденъ пока ограничиться тѣми данными, которыя сообщены въ Нижегородскомъ Сборникѣ. Эти данныя указываютъ на элементы бѣлорусскіе и малорусскіе; но то и другое отдѣлить не всегда легко, такъ какъ приходится считаться съ искаженіями малорусскихъ словъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ восточныхъ южновеликорусскихъ

---

[1] Перетятковичъ, 285.
[2] Ibid. 279.
[3] «Нижегеродскій Сборникъ», II, стр. 329—330.

де-въ, имѣющихъ много общихъ звуковыхъ чертъ съ западными своими ...атьями говорами бѣлорусскими, такъ что иногда трудно рѣшить, есть ли ...стное произношеніе остатокъ рѣчи бѣлорусскихъ переселенцевъ (если та-...ные вообще здѣсь были), или только южновеликорусское искаженіе, пере-...щеніе малорусской рѣчи. Есть, однако, въ языкѣ «пановъ» и такія осо-...ности, которыя несомнѣнно указываютъ на малорусскій элементъ, а съ ...гой стороны такія, которыя несомнѣнно указываютъ на элементъ бѣло-...скій, при чемъ то и другое такъ перепуталось и исказилось подъ вліяніемъ ...днаго великорусскаго, что получились отдѣльныя выраженія довольно безо-...нного смѣшаннаго характера, результатъ дѣйствія различныхъ звуковыхъ ...новъ. Остановлюсь нѣсколько какъ на существующихъ мнѣніяхъ, выска-...ныхъ мѣстными жителями о народности упомянутой группы, такъ и на ...борѣ приводимыхъ въ статьяхъ Нижегородскаго Сборника словъ и осо-...ностей произношенія «пановъ».

... Н. И. Русиновъ въ статьѣ «Лукояновскій уѣздъ Нижегородской губ.»[1]) ...водитъ 6 деревень: Васплевъ Майданъ, Новую Слободу, Дубровку, ...лево, Малиновку и Чиреси, называя жителей ихъ прямо Малоруссами, ...ванными, вѣроятно, графомъ Разумовскимъ на пожалованныя ему земли ... малорусскихъ губерній. Редакторъ Нижегород. Сборника Гацисскій въ ...мѣчаніи къ статьѣ Гуляева[2]) говоритъ, что «при собраніи Нижегород-...мъ статистическимъ комитетомъ свѣдѣній объ иноплеменномъ составѣ на-...нія Нижегородской губ. (см. отчетъ о засѣд. комитета 1 іюня 1871 и ... янв. 1873 г.) обнаружилось, что кромѣ названныхъ г. Русиновымъ ...ти селеній съ такъ называемымъ малорусскимъ типомъ въ Лукояновскомъ ...дѣ находятся еще 7 такихъ-же селеній: Кондрыкино, Михалковъ Май-...нъ, Елфимово (Елфимовъ Майданъ), Козаковка, Погиболка, Красная По-...на и Василевочка»... На нашей картѣ прибавлена еще 14-ая деревня ...гѣевка къ сѣверо-востоку отъ Погиболки. Гуляевъ и Прогрессовъ при-...ляютъ жителей этихъ селеній также къ Малоруссамъ[2]). По ихъ свидѣ-...ству, окрестное русское населеніе зоветъ жителей этихъ селеній не только ...нами, но и поляками, польшей, литвой, ягунами[3]). Но эти ...дпія прозвища, мнѣ кажется, говорятъ скорѣе въ пользу Бѣлоруссовъ, ... Малоруссовъ, такъ какъ Литвой обыкновенно называли въ старину ...лоруссовъ, которымъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ Южновеликоруссовъ идетъ ...прозвище ягуновъ (отъ родит. п. яго, вмѣсто малорус, его, сѣверно-

1) «Нижегор. Сборникъ», II, стр. 20.
2) Ibid. V, 336.
3) Ibid. II, 31, 329.

великорус. ёвd и средневеликор. ивd; Малоруссовъ прозвали бы ёгунами или всего скорѣе хохлами, какъ ихъ зовутъ Великоруссы где встрѣчаются съ ними; Даль даже называетъ въ числѣ трехъ го Нижегородской губ. особый ягdтскій, лукояновскій и прибав что это, по сосѣдству и по говору, Пензенцы, хотя различеніе то трехъ говоровъ въ Нижегородской губ. онъ приводитъ не отъ себя считаетъ его удовлетворительнымъ [1]). Священникъ Гуляевъ въ статьѣ бенности въ говорѣ жителей села Василева Майдана» [2]) приводитъ словъ, изъ которыхъ нѣкоторыя несомнѣнно великорусскія или по кр мѣрѣ не имѣютъ ничего спеціально западнорусскаго, другія свойственны наково малорусскимъ, бѣлорусскимъ и нѣкоторымъ изъ ближайшихъ къ южновеликорусскихъ говоровъ и только очень немногія присущи спец бѣлорусскимъ, а еще менѣе малорусскимъ говорамъ; кромѣ того нап *а* вм. *о* и *я* вм. *е* (неударяем.) обличаетъ говоръ акающій, слѣдоват южно-великорусскій или бѣлорусскій. Говоря о принадлежности словъ то другой группѣ говоровъ, я разумѣю также и ихъ форму и тѣ фонети особенности, которыя можно вывести изъ переданнаго авторомъ написані сожалѣнію, авторъ лишь въ немногихъ словахъ означилъ удареніе, ко весьма характерно въ иныхъ случаяхъ, и о которомъ можно сдѣлать за ченіе лишь косвенно на основаніи измѣненія гласныхъ, возможнаго т при условіи ихъ неударяемости. Къ великорусскимъ я отношу: давеча (дàвѣча), кесь «кажется» и комлата вм. «комната», такъ какъ неизвѣстно существованіе ихъ въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ, и я не шелъ ихъ въ имѣющихся у меня подъ руками словаряхъ Пискунова и совича; напротивъ, первое изъ нихъ весьма обычно во многихъ вели скихъ говорахъ; второе, о которомъ я дальше намѣренъ сказать обстоя нѣе, извѣстно во многихъ великорусскихъ говорахъ Нижегородской и ч Симбирской г.; третье обычно въ великорусскихъ, особенно восточныхъ ворахъ [3]). Кажется, также исключительно великорусскими надо признать чагъ (примѣры *о* вм. *ы* у Колосова въ «Обзорѣ» 93 исключительно сѣв великорусскіе); спрячи «приготовить», которое, вѣроятно, тоже, что словарѣ Даля «спрягчи» калужск. «изжарить» [4]), и родственно съ вел

---

[1]) «О нарѣчіяхъ русскаго яз.» LVI при издан. Толков. Словаря 1879 г.

[2]) «Ниж Сборн.» V, 338.

[3]) Колосовъ, «Обзор звук. и формальн. особ. н. р. яз.», 167 (что касается собст измѣненія группы *мн* въ *мл* не только въ этомъ словѣ, то оно весьма обычно даже въ русскихъ, а и во многихъ изъ южнословянскихъ говорахъ (Сравн. серб.-болг. мло

[4]) Впрочемъ въ бѣлорус. сравн. прежчь,—гу... «пряжить, поджаривать въ или салѣ» (Носовичъ). «Прежчь яешню, цѣсто». Неясна этимологія этихъ словъ въ

пр̊жить «жарить»; *т*вяты, которое Колосовъ [1]) отмѣтилъ во многихъ южно и восточно-великорусскихъ говорахъ (не только Воронеж., Курск., Орловск., Ливенск., Юхновск., Холмск. Псков. губ., Ситкарск., гдѣ бы можно было заподозрѣть вліяніе мало- или бѣло-русскихъ говоровъ, но и Горбатовск. Нижегор. губ., Ковровск. Владимир. губ., Чебоксар. Казан. г., Симбир.), при чемъ Мотовиловъ [2]) также отмѣтилъ *т*ьвѣтъ въ Симбир. и Буинск. у. Симбир. губ.; только мнѣ кажется, что *т* здѣсь не изъ *к*, какъ думалъ Колосовъ, а изъ *ц*, и причину появленія *т* (мягкаго) я вижу въ томъ, что въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ *ц* мягкое необычно, а здѣсь въ положеніи передъ мягкимъ сочетаніемъ *вѣ* (*вя*) и т. п. требовался мягкій звукъ, и вотъ вмѣсто мягкаго дифтонга *ц* явился мягкій *т* подобно тому, какъ встрѣчается и *с* вм. *ц* [3]), такъ что въ одномъ случаѣ остается одна составная часть дифтонга *ц*, въ другомъ другая; что̀ же касается бѣлорусск. твицѣли, твято̀чекъ, то, по мнѣнію Карскаго [4]), здѣсь *т* представляетъ лишь орѳографическую неточность. Общерусскими можно назвать слова: нако, натеко «возьми»,—те, николи «никогда», нягоже «нехорошо» (разумѣется, кромѣ измѣненія *е* въ *я*, которое свойственно спеціально «акающимъ» говорамъ). Ничего нельзя сказать опредѣленнаго по поводу такихъ переиначеній иностранныхъ словъ, какъ облокатъ, двухакатъ, прокуронъ. Бѣлорусско - южновеликорусскими можно признать: Ахимья; во-ляди, поляка «посмотри» (указыв. на произношеніе *г* какъ *h* латин.); встрѣлись; мянѐ; квакуха «насѣдка» (въ словарѣ Даля: смолен.); закутать «затворить», откутай (вѣроятно, *а*ткута́й, какъ отмѣчено А. В. Ветуховымъ [5]) въ Старобѣльскомъ у. Харьковск. губ., также аткута̀ть) «отвори»; Яхимъ; яешня «яичница» (срв. *яец* въ Воронеж. Колосов. 118). Бѣлорусско - великорусскимъ слѣдуетъ признать также ужо «немного спустя», ёнъ [6]) «онъ»—яны, кужшинъ [7]). Общимъ для южновеликорус., бѣлорус. и малорусскаго являются: *у* вм. *в* въ выраженіи: у лѣсъ, также нѣкоторыя

серб. пр̏жити, болг. прѣ́жѫ (Дювернуа), литов. spìrgīti (Kurschat); срв. А. А. Потебни, К истор. звук. III, 113—114.

[1]) О. с. 10.

[2]) „Симбирская молвь“ въ «Сборникѣ отдѣл. рус. яз. и словесн. Имп. Акад. Н.», т. XLIV, № 4 прилож. стр. 31.

[3]) Колосов., О. с. 10.

[4]) «Обзоръ звук. и формъ бѣлорус. рѣчи,» 65.

[5]) «Говоры слободъ Бахмутовки и Новой Айдари Старобѣльск. у. Харьк. губ.» (оттискъ изъ Р. Ф. В. 193), стр. 2, 15.

[6]) Колосовъ, Обзор. 130, Карскій, Обзоръ 57; также и въ сѣв. вкрусс.: Соболевскій, Жив. Стар. 192, вып. II, стр. 4.

[7]) Колосов., ib., 169 (и въ сѣв. великор.).

слова и формы: тымъ «тѣмъ», Хвѐдоръ [1]), чутко «слышно» (малор., бѣлор., а у Даля западн.), помалу «тихонько». Можетъ быть, къ этому-же разряду слѣдуетъ отнести и отмѣченныя Далемъ, какъ южн. или южн. зап., завчоръ «третьяго дня», понька «шерстяная юбка» и сѣчька «тяпка». Восточно-малорусскимъ или южновеликорусскимъ по мягкости *р* надо признать поретуйся «подвинься» (основн. значен. «спасайся», «берегись»), хотя въ такой формѣ оно и въ бѣлорусскомъ словарѣ Носовича, но, вѣроятно, или по недоразумѣнію или взято изъ мѣстности нечисто-бѣлорусской. Бѣлорусско-малорусскимъ можно назвать: твердость *л* въ болше [2]); гомонить «шумѣть» (предполагая соотвѣтствующія бѣлорусскому измѣненія *о* неудар. въ *а*); горщокъ (скорѣе бѣлорус., если измѣнить *о* неудар. на *а*, такъ какъ въ малорус., кажется, болѣе обычно гòрщик съ друг. суффиксомъ); кавзаться не «выѣзжать на показъ», какъ толкуетъ авторъ статьи, а «кататься» (по льду или на лошади), основное же значеніе «скользить» (чешск. klouzati) [3]); что касается *а* вм. *о*, то оно можетъ быть не только бѣлорусскимъ, но и переиначеніемъ малорусскаго на южно-великорусскій ладъ; морква «морковь»; нярошъ «не трогай» (вѣроятно, искажено вмѣсто не рýш, можетъ быть, подъ вліяніемъ великорус. нетрош, т. е. не трожь «не трогай»); Пилипъ; перепечька; сховать; Прячистая «праздникъ Успенія Божіей матери» (вѣрнѣе, бѣлорус., какъ показыв. и *я* вм. *е*, само по себѣ впрочемъ неубѣдительное вслѣдствіе упомянутой возможности переиначенія: въ малорус., по Пискунову,—всѣ Богородичные праздники, а въ бѣлорус. (Носовичъ) преимущ. Успеніе). Матушъ, вѣроятно, переиначеніе на великорусскій ладъ бѣлорусско-малорусскаго матýся. Можетъ быть, случайно только въ малорусскомъ словарѣ найдено мною кузня «кузница». Подпирязаться «подпоясываться» можетъ быть не только бѣлорусскимъ, но и великорусскимъ акающимъ (кромѣ неточности *о* вм. *а*) произношеніемъ малорусск. *підперезацьця*. Кажется, спеціально бѣлорусскимъ надо признать слѣдующее: твердость *р* въ брытый (твердое *р* свойственно бѣлорусскому и частію западно-малорусск; мягкое — восточно-малорус.); дычька (хотя удареніе не поставлено, однако по *ы* въ первомъ слогѣ нетрудно догадаться; что оно на концѣ, какъ въ малорусск. и бѣлорусскомъ въ этомъ словѣ, но измѣненіе безударнаго *о* въ *ы* [4]) въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударяемому, свойственно именно

[1]) Колосов. 171; Будде приводитъ изъ Касимов. Ряз. г. (рецензія Соболевскаго въ «Жив. Стар.» 1893, II, 256).

[2]) Карскій 59, Потебня «Два изслѣдов.» 130.

[3]) *в* здѣсь изъ *л*.

[4]) Карскій, «Обзор. зв. и ф. 52». Сравн. также Шахматова, «Изслѣдованія въ области русской фонетики», стр. 284—285.

бѣлорусскому: великорусск перенпаченіе было бы дачка̀, а не дычька̀); мозагъ «мозгъ» (вѣроятно, слѣдуетъ читать мо̀зак, у Носовича мо̀зокъ не вполнѣ вѣрно фонетически; малорус. мізок); попрыже, прыткомъ (бѣлор. прыдкій, малор. прудкий); переплавное — «преполовенье»; особенно форма пяетъ «поетъ», такъ какъ въ малорус., по крайней мѣрѣ восточномъ, форма *пі є́, кажется, необычна, а обыкновенно только співа́є[1]), но въ бѣлорусск. именно первая форма и съ измѣненіемъ неудар. *ѣ* въ *я*: пѣю, пѣешъ (словарь Носовича).

Редакторъ въ примѣчаніи къ статьѣ Гуляева приводитъ еще замѣченныя членомъ статистической экспедиціи Н. И. Зайцевскимъ несомнѣнно бѣлорусскія черты: [1]) «дзяканье», спорадически встрѣчающееся впрочемъ и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ: *дзядя*, *дцянуть* (sic), іонъ лгецъ [2]); «господство *у*»: ваукъ [2]); твердость *р*: трабуха вм. требуха, кручокъ, но рядомъ съ этимъ малорусс. «у сороци на хвистѣ».

Преобладаніе бѣлорусскихъ чертъ, кажется, дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе В. И. Даля, подтвержденное архивными разысканіями П. И. Мельникова, что это «таже мензелинская шляхта», т. е. Бѣлоруссы, поселенные здѣсь, какъ и въ Мензелинскѣ и другихъ мѣстахъ восточной Россіи, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ XVII столѣтіи [3]), къ которымъ потомъ, можетъ быть, присоединились малорусскіе выселенцы въ XVIII в., когда эти земли были пожалованы графу Разумовскому, отъ котораго онѣ перешли къ князю Кочубею и Лубяновскому. Впрочемъ управляющій имѣніемъ кн. Кочубея г. Праль, по словамъ редактора Ниж. Сборника Гацисскаго, объяснилъ, что жители этихъ селеній были переселены «изъ литовскихъ губерній и принадлежатъ къ литовскому племени», но что документальныхъ свѣдѣній въ конторѣ имѣній не имѣется [4]); эти слова опять указываютъ на Бѣлоруссію, которую смѣшивали съ Литвой. Къ сожалѣнію, я еще не имѣлъ пока возможности непосредственно познакомиться съ этими интересными говорами и провѣрить приведенныя данныя, а также убѣдиться, на сколько сохранились

---

[1]) Впрочемъ А. А. Потебня говорилъ, что співа́ю, т. е. *въ-с-пѣваю («Два изслѣдованія» 135, «Разборъ сочин. Житецкаго» 63, «Слово о полку Игоревѣ» 20, «Объясненія малорусскихъ и сродн. пѣс.» II, стр. 58, сноска) употребляется о людяхъ, апію о животныхъ. Послѣднее во всякомъ случаѣ встрѣчается въ правобережной Украйнѣ (у Номиса въ «Украінські приказки, прислівья»... стр. 118: „як умієм, так и пієм“ со ссылкой на Бердичевъ и Радомысль) и въ галицкомъ (у Головацк. въ Сборникѣ: чому кури не пѣсте? ч. I, стр. 44.

[2]) Странно *а* вм. *о* подъ ударен.; не родит. ли падежъ вау ка? (вмѣсто *волка́ съ такимъ удар. въ южновеликор.).

[3]) Ниж. Сборн. V, 337; Рус. Вѣстн., мартъ 1873, 290—291. О поселеніи Полоцкой шляхты въ Закамской сторонѣ въ 1668 г. у Перстятковича, стр. 258.

[4]) Нижегор. Сборн. V, 337.

еще въ этихъ говорахъ западно-русскія особенности; но неудовлетворительность записаннаго ясна уже изъ того, что напр. ничего не сказано о произношеніи *г* (какъ лат. *h* или какъ лат. *g*). Прибавлю, что нѣкоторыя западно-русскія слова находимъ тоже въ деревняхъ, не отмѣченныхъ цвѣтомъ «пановъ». Такъ въ Ульяновкѣ, отмѣченной на картѣ съ говоромъ «среднимъ между *а* и *о*» (въ юговосточной части Лукояновскаго уѣзда, на рѣкѣ Инсарѣ), что вполнѣ совпадаетъ съ описаніемъ ея говора священника Доброзракова [1]), указаны въ этомъ описаніи слова б а ж а ю (желаю) и с х о в а т ь (спрятать).

Такимъ образомъ, на сколько намъ позволяютъ судить историческія данныя, русское населеніе Лукояновскаго края составилось изъ переселенцевъ изъ различныхъ губерній, хотя господствующій типъ его долженъ былъ обусловиться населеніемъ сосѣднихъ, ближайшихъ мѣстностей. Но, кромѣ старыхъ поселеній, время и происхожденіе которыхъ въ точности неизвѣстно, мы изъ приложенныхъ къ нашей картѣ примѣчаній узнаемъ точно, откуда именно выселены жители нѣкоторыхъ селъ. Источникъ свѣдѣній, сообщаемыхъ составителемъ карты, мнѣ неизвѣстенъ, но приведу эти свѣдѣнія, какъ они записаны вмѣстѣ съ сообщеніемъ нѣкоторыхъ особенностей рѣчи. Эти свѣдѣнія вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно изъ исторіи сосѣднихъ мѣстностей—Тамбовскаго края съ одной стороны и средняго и нижняго Поволжья съ другой, и что мы предположили только по аналогіи для занимающаго насъ края.

«Дер. М е р л и н к а—часть жителей (28 семействъ) переселенцы изъ Тульской, Рязанской и Калужской губерн. Калужане говорятъ я г о.

Дер. В о л ч и х а—почти всѣ переселенцы изъ Тамбовской губ.—говор. на *о* (ёнъ-то); остальные, здѣшніе жители, говор. на *а*.

Дер. Н а д ё ж и н о—переселенцы изъ Рязанской губ. Егорьевскаго уѣзда. Говорятъ: вмѣсто корецъ—ц а п а л ь н и к ъ, м а с т ю г а (мал. горшокъ).

Дер. П е т р о в с к а я—переселенцы изъ Пензенской и Тамбовской губ.; говорятъ на *а*, съ цоканьемъ; переселенцы же изъ Сергачскаго уѣзда говорятъ на *о* и не цокаютъ.

Дер. Е л х о в к а—переселенцы изъ Княгин. уѣзда говорятъ чисто на *о*.

Дер. В е р я к у ш к а—выселокъ изъ села Кріуши (Лук. уѣзда) и Пензенской губерніи (деревни Мелызанъ), говор. на *а*, прицокиваютъ.

Село Р о ж д е с т в е н о. Есть переселенцы изъ Суздаля (80 лѣтъ?) [2]), говоръ на *о* и *а*. Употребляютъ въ будущемъ времени с я г д т ъ вм. сягнетъ: ж ж е т ъ вм. ждетъ; д р у г е и.

---

[1]) Этнограф. Сборн., издав. Имп. Русск. Географ. Общ., вып. 1 (Спб. 1853), стр. 35—37.

[2]) Послѣднее слово въ рукописи неясно.

Дер. Березовка выселокъ изъ Пузы (Лук. уѣзда) и частію изъ Курской губерніи.

Село Николай - Даръ—переселенцы изъ Рязанской губерніи.

Д. Мал. Силино—Семеновскаго уѣзда, говор. чисто на *о*.

Д. Орловка—часть Мордвы и переселенцы изъ Орловской губ., гов. на *а* (яго).

Д. Нелей
Д. Елевъ Врагъ } выселокъ изъ Пензенской губерніи.

С. Рубцово—коренные жители гов. чисто на *о*, а переселенцы изъ села Саитовки (Лук. уѣзда) гов. на *а* и цокаютъ; вмѣсто *ть* говор. *ць*: дѣла*ць*, работа*ць* и пр.

С. Теплое—говоръ на *а*; сильно акаютъ, говорятъ гажй вм. гожи, чаво и проч.; въ среднемъ родѣ употребляютъ прилагательное женскаго рода «какая добро»; употребляется слово батманчикъ (10 фунтовъ).

С. Шелангà—гов. на *а*; вмѣсто оскудѣли—искудѣли.

С. Акаево—сильно акаютъ, говор. магёшъ, мельницывъ.

С. Пеля Хованская—цокаютъ и чвакаютъ, но не сильно. Говорятъ кесь вмѣсто кажись.

С. Пеля Казенная (на *а*)—цокаютъ и употребляютъ кесь, перинёкъ (паренекъ), сѣновъ и пр.

Д. Степановка (на *о*)—цокаютъ, говорятъ: удоблять землю.

С. Ильинское (на *а*)—цокаютъ, говорятъ: шòлга (рычагъ).

Б. Пуза (на *о*)—цокаютъ; толика вмѣсто часть, сустанется (станетъ), рукомесло (ремесло)».

Къ сожалѣнію, всетаки эти свѣдѣнія о переселенцахъ далеко не полны, и, какъ видимъ, составитель о многихъ селахъ не могъ сказать, откуда выселены ихъ жители, и ограничивался указаніемъ особенности ихъ произношенія или словаря. Нѣкоторыя свѣдѣнія о переселенцахъ находимъ также въ статьѣ о Лукояновскомъ уѣздѣ Н. И. Русинова. Именно, тамъ говорится (стр. 27, Ниж. Сборн., т. II): «Въ Лукоян. у столько было и есть въ настоящее время (т. е. въ концѣ 60-хъ годовъ) незаселенныхъ площадей, что съ-издавна уѣздъ привлекалъ къ себѣ переселенцевъ изъ другихъ мѣстъ... юго-западный край какихъ-нибудь 40 лѣтъ тому назадъ состоялъ только изъ двухъ деревень Шутилова и Обуховки, тогда какъ нынѣ онъ составляетъ двѣ волости и 14 деревень[1]), изъ нихъ: Орловка вывезена изъ Орловской губ., Бутцкое изъ Княгининск, уѣзда, Пруды и Гремячка изъ Василевской волости Лукоян. у.,

---

[1]) Срв. Соболевскаго, Жив. Старина, 1892, вып. I, стр. 21 и списка 7.

Елховка—ч. изъ Пензенской губ., ч. изъ Княгин. у., Петровка—изъ Обуховки, Григорьевка —изъ Пензенской губ., Чеварда—изъ Княгининск. у., Русиновка—изъ Тамбовск. губ., изъ Макарьевск. и Княгининск. у. Нижегородск. губ., Елевъ Врагъ—изъ Пензен. губ., Василевъ Врагъ (его нѣтъ на нашейкартѣ)—изъ Шутилова и Нелей—изъ Пензен. губ.».. Эти свѣдѣнія частію повторяютъ и подтверждаютъ нѣкоторыя изъ находящихся у насъ, частію даютъ нѣчто новое.

Мы должны обратить вниманіе на то, что есть переселенцы *о*кающіе изъ завѣдомо *а*кающихъ губерній, напр. о селѣ Николай-Даръ, окрашенномъ въ черный цвѣтъ, слѣдоват. *о*кающемъ, сказано: «переселенцы изъ Рязанской губ.». Но если мы замѣтимъ при этомъ, что въ тотъ-же черный (*о*кающій) цвѣтъ окрашена деревня Надежино, переселенная изъ Рязанской губ. Егорьевскаго уѣзда, и что съ другой стороны этотъ Егорьевскій уѣздъ занимаетъ самую сѣверную лѣвобережную заокскую часть губерніи, смежную съ *о*кающими восточными частями (Богородскій уѣздъ) Московской и западными частями Владимирской губ., завѣдомо окающей, исключая нѣкоторыхъ самыхъ южныхъ ея мѣстностей, примыкающихъ къ Тамбовской и Касимовскому уѣзду Разанской губ., то мы можемъ предположить, что и переселенцы села Николай-Дара, какъ и переселенцы Надёжина, были изъ сѣверной, смежной съ *о*кающими мѣстностями и, вѣроятно, также *о*кающей части [1]) Рязанской губ., хотя, къ сожалѣнію, мы объ уѣздѣ переселенцевъ перваго не находимъ точныхъ указаній. Изъ списка узнаемъ также, что деревня Волчиха, окрашенная на картѣ въ красный (*а*кающій) цвѣтъ, имѣетъ *о*кающихъ переселенцевъ изъ Тамбовской губ., и что только здѣшніе жители говорятъ на *а*; что и въ Тамбовской губ., въ большинствѣ *а*кающей, въ нѣкоторыхъ, особенно сѣверныхъ, уѣздахъ могутъ встрѣтиться *о*кающіе говоры,—это несомнѣнно, если обратимъ вниманіе на исторію колонизаціи этого края (срв. «Очерки»... Дубасова); къ сожалѣнію только, наше невѣжество въ діалектологіи заставляетъ насъ предполагать, а не утверждать навѣрно [2]).

---

[1]) Мнѣ кажется, что замѣчаніе проф. А. И. Соболевскаго о несомнѣнности сильнаго *а*канья даже с ѣ в е р н ы х ъ говоровъ Рязанской губ. слишкомъ рѣшительно (Жив. Стар. 1892, вып. 1, стр. 18). Правда, по Будде («Къ діалектологіи великор. нарѣч.», рец. Соболевскаго въ Ж. Стар. 1893, II, 256) и въ Касимовск. у. акаютъ, но нельзя навѣрно утверждать, чтобы въ сѣв. части напр. Егорьевскаго у. не встрѣтилось окающихъ селъ. Самъ Соболевскій считаетъ исконными сѣверно-великорусскія черты, встрѣчающіяся въ смѣшеніи съ южно-великор. въ Касимовскомъ говорѣ.

[2]) О говорахъ Тамбовской губ. слѣдуетъ сказать тоже, что проф. Соболевскій замѣтилъ объ акающихъ говорахъ Нижегородской, Казанской, Пензенской и Симбирской губ. Ж. Ст. 1892, I, 21); среди акающихъ говоровъ здѣсь могутъ встрѣтиться говоры съ мѣной *ц* и *ч*, оканьемъ и друг. сѣверными чертами; онъ самъ приводитъ извѣстіе изъ Тамб. вѣдом. о выселенцахъ въ Спасскій уѣздъ съ сѣвера (изъ Пошехонскаго и Бѣлозерск. у. (ibid. сноска 7).

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Русиновымъ, узнаёмъ, что село Русиновка, окрашенная въ *а*кающій цвѣтъ, имѣетъ переселенцевъ не только изъ Тамбовской г., но также и изъ завѣдомо *о*кающихъ Макарьевскаго и Княгининскаго (въ послѣднемъ *а*канье только мѣстами въ южной части) уѣздовъ Нижегородской губ.

Изъ приложенныхъ къ картѣ свѣдѣній мы узнаёмъ также, что такъ называемые ягуны могутъ не совпадать съ панами и поляками и т. п., т. е. могутъ быть переселенцами не изъ Бѣлоруссіи, а изъ центральныхъ, южновеликорусскихъ губерній (Калужской, Орловской, Курской); а бѣлорусское измѣненіе *ть* въ *ць* находимъ въ селѣ Рубцовѣ у переселенцевъ изъ села Саитовки. Откуда выселились жители послѣдней, мы не знаемъ; можетъ быть, это тоже остатокъ нѣкогда бывшихъ здѣсь бѣлорусскихъ поселеній.

Я уже упоминалъ выше, что *и*канье кроется, вѣроятно, въ терминѣ «говоръ средній между *а* и *о*», употребленномъ составителемъ карты. По терминологіи проф. Соболевскаго это говоры «умѣренно акающіе». Дѣйствительно, въ Ульяновкѣ, по описанію Доброзракова, сильно распространено иканье, т. е. измѣненіе неудар. *е* (изъ первонач. *е* и *я*) въ *и*, при чемъ это измѣненіе чередуется съ измѣненіемъ *е* послѣ шипящихъ въ *а* (ч*а*вò, ж*а*ва̀ть при з*и*мля̀, гр*и*да̀ и т. п.) [1]). Такое-же иканье извѣстно и во многихъ говорахъ Сергачскаго и Курмышскаго [2]) уѣздовъ, напр. въ описанномъ мною въ «Archiv für slav. Philologie» X, 350—351 говорѣ села Теплаго Стана, гдѣ также послѣ шипящихъ и *j* въ слогѣ передъ удареніемъ вмѣсто *и* является *а* (примѣры изъ моей замѣтки извлечены и приведены проф. Соболевскимъ на страницахъ «Живой Старины»). Такіе средніе говоры должны быть особенно свойственны полосѣ переходной отъ сѣверновеликорусскаго къ южновеликорусскому нарѣчію. Въ этой переходной полосѣ и лежатъ южные уѣзды Нижегородской и западные Симбирской губ. Иногда болѣе или менѣе точными границами служатъ рѣки [3]). Такъ въ Курмышскомъ уѣздѣ такой границей служитъ рѣка Пьяна, къ сѣверу отъ которой *о*каютъ, къ югу же почти

---

[1]) Этногр. Сборн. I, 35, Соболевскій въ «Жив. Старинѣ» 1892, 1, стр. 22.

[2]) «Жив. Стар.» ibid.

[3]) Какъ иногда трудно провести границы сѣверно и южно-великорусскихъ говоровъ доказываетъ замѣчаніе Колосова, что во Владимирской губ. оканье сильнѣе къ югу отъ Владимира, слабѣе къ сѣверу, т. е. наоборотъ ожидаемому («Замѣтки о яз. и народн. поэзіи въ области сѣв. великор. нарѣч.», 288). А. А. Шахматовъ, однако, указываетъ на то, что *и*кающіе говоры (*и* въ нихъ изъ закрытаго *е* послѣ небныхъ согласныхъ) одинаково могутъ встрѣчаться и въ сѣверно- и въ южно-великор., т. е. соединяться съ *о*каньемъ и съ *а*каньемъ («Изслѣдов. въ области русской фонетики», стр. 199—202...). Болѣе заслуживаютъ названія говоровъ «среднихъ между *а* и *о*» говоры «неокающіе», т. е. сохраняющіе въ слогѣ передъ ударенным *о* склоненіе къ *а* (ibid., стр. 263).

исключительно *а*кають (*о*кающіе говоры, какъ Олферьевскій у истоковъ Пьяны, составляютъ здѣсь исключеніе, встрѣчающееся, однако, и южнѣе, въ Ардатовскомъ уѣздѣ Симбир. губ). Тоже приблизительно относится и къ западному сосѣду Курмышскаго уѣзда, къ лежащему также въ бассейнѣ рѣки Пьяны уѣзду Сергачскому Нижегородской губ., хотя, судя по упомянутой въ началѣ нашей статьи неполной картѣ, въ самой южной части уѣзда, прилегающей къ Лукояновскому, довольно много «окающихъ» селъ. Въ слѣдующемъ, лежащемъ въ бассейнѣ р. Пьяны къ западу и сѣверо-западу отъ Сергачскаго Княгининскомъ уѣздѣ (центральномъ въ Нижегородской губ.), по описанію, приложенному къ картѣ, въ сѣверной части р. Пьяны *о*кають, а въ изгибѣ Пьяны «оканье слабѣе, выговоръ ближе приближается къ нашему» и одно село (Инкино) акаетъ. Хотя Лукояновскій уѣздъ находится южнѣе этихъ трехъ уѣздовъ и идетъ параллельно съ Ардатовскимъ Симбир. губ., всетаки и тамъ, какъ видимъ изъ карты и описанія, *а*канье перемѣшано съ *о*каньемъ, но акающихъ селъ больше къ югу отъ р. Алатыря, чѣмъ къ сѣверу отъ него, и въ самомъ Лукояновѣ, лежащемъ въ сѣверо-западномъ углу уѣзда, *о*каютъ.

Кромѣ общей характеристики говоровъ въ объяснительной запискѣ, приложенной къ картѣ, находимъ и приведенныя, правда, безъ всякой системы, отдѣльныя слова и выраженія (формы), употребительныя въ данной мѣстности. Обращу вниманіе на нѣкоторыя изъ нихъ.

О селѣ Рождественѣ сказано, что тамъ употребляется въ будущемъ времени с я г о̀ т (ъ) вм. с я г н е т ъ; эту форму 3 л. ед. ч. я произвожу отъ перво-образной основы с я г-(ст.-сл. с ѧ г-) безъ суффикса *н*, которую находимъ въ глаг. д о с я ч й—д о с я г у̀. Особенность образованія здѣсь въ томъ, что *г* передъ *е* осталось несмягченнымъ, а *е* подъ удареніемъ измѣнилось въ *о*, вѣроятно, черезъ посредство *ё*. Въ отношеніи неизмѣняемости гортаннаго въ шипящій и переноса ударенія на суффиксальный слогъ подъ вліяніемъ ф. 1 л. (сравн. д о с я г у̀—д о с я̀ ж е т ъ), а можетъ быть, вѣрнѣе сказать, въ отношеніи удержанія ударенія на суффиксальномъ слогѣ, если считать, что въ м о̀ ж е ш ь при м о г у̀ удареніе отодвинуто назадъ [1]), эту форму слѣдуетъ сопоставить съ формой м а г ё ш (ъ), т. е. *могёшь, вм. м о̀ ж е ш, употребляемой въ селѣ Акаевѣ.—Тамъ-же говорится «жжетъ» (вѣроятно, ж ж о т)

---

[1]) По мнѣнію Ѳ. Ѳ. Фортунатова, м о́ ж е ш и серб. м ȍ р е ш, м ȍ р е съ болѣе древнимъ удареніемъ, чѣмъ рус. м о г у́, серб. штокав. м ȍ г у, такъ какъ наоборотъ суф. 1 л. ед. ч, ст.-слов. ѫ рус. серб. (въ немногихъ глаголахъ) у съ первонач. длительной долготой перетянулъ на себя удареніе еще въ общесловѣнскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего б е р у́, м о г у́ (ст.-сл. б е р ѫ, м о г ѫ) при греч. φέρω и т. п. Слѣдов. вѣрнѣе сказать, что удареніе въ м а г ё ш подъ вліяніемъ м о г у́.

вм. «ждетъ» (вѣроятно, точнѣе вмѣсто жджёт или жџёт, употребляя для сложнаго звучнаго *дж*, соотвѣтствующаго незвучному *ч*, сербскій знакъ џ) [1]).

Форма «другеи» (несомнѣнно, другéи съ удареніемъ на *е*) указываетъ на очень интересное явленіе въ склоненіи прилагательныхъ, а именно на то, что вм. звука *ы* при удареніи на немъ является послѣ всѣхъ согласныхъ, кромѣ гортанныхъ, звукъ *э*, т. е. *е*, не смягчающее предыдущаго согласнаго, послѣ же гортанныхъ вмѣсто *и* (изъ древне-русскаго *ы*) другихъ говоровъ является *е*, смягчающее предыдущій согласный, т. е. качество гласнаго *è*, замѣнившаго ы, зависитъ отъ качества предъидущаго согласнаго. Эти *э* и *е* проходятъ затѣмъ по всѣмъ падежамъ множ. ч., захватывая творит. и мѣстн. пад. муж. и средн. р. единственнаго: худэи, простэи, толстэи, молодэи, гнилэи, сырэи, бол'шэи (*ш* въ этихъ говорахъ твердо) и т. п., худэх и т. п.,—эм,—эми. и т. д., мѣстн. един. *ф* худэм, *в* гнилэм и т. п., но такéи, другéи,—éх,—éми (глухèмй дорòгáми), *ф* такéм мѣс'тѣ и т. п. [2]).

Формы эти очень распространены въ разныхъ говорахъ средней полосы какъ окающихъ такъ и акающихъ. Колосовъ [3]) напрасно называетъ эти говоры имѣющими оттѣнокъ бѣлорусскаго нарѣчія. Если-бы это было такъ, то пришлось бы признать бѣлорусскій отмѣнокъ едва ли не во всѣхъ говорахъ средне-волжскаго бассейна. Самъ Даль [4]) приписываетъ формы инéи (вѣроятно, инэи), сухèи, правда, мѣстами, всей лежащей на правомъ берегу Волги полосѣ Нижегородской губ. (Горбат., Нижегород., Княгин, Вас. у.), мнѣ же удалось слышать ихъ, кромѣ говоровъ Курмышскаго уѣзда Симбирской губ. (на *о* въ сѣв. части, на *а* въ южн. ч.) и Нижегородской губ. (Василь-Сурскаго, Макарьевскаго и случайно отъ крестьянки села Павлова

---

[1]) Я употребляю знакъ ё для извѣстнаго звука, близкаго къ *о*, но нетожественнаго съ нимъ не только въ томъ отношеніи, что онъ слѣдуетъ за небнымъ согласнымъ, но и въ самомъ характерѣ звука. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ рукой весьма важной статьи Ѳ. Е. Корша «Beobachtungen über die Aussprache des russischen» (Archiv für slav. Philologie III, 666—6 4), гдѣ опредѣленъ характеръ звука ё (вмѣсто *е* въ извѣстныхъ случаяхъ) въ московскомъ нарѣчіи.

[2]) Я позволю себѣ оставлять при записываніи особенностей говоровъ букву *ѣ* пока еще не выяснено окончательно, дѣйствительно ли *ѣ* вполнѣ совпадаетъ съ *е* въ данномъ говорѣ, предполагая подъ *ѣ* звукъ, близкій или тожественный съ *е*; въ нѣкоторыхъ случаяхъ удержаніе *ѣ* для меня представляется важнымъ при указаніи нѣкоторыхъ морфологическихъ особенностей говоровъ.

[3]) «Обзор. звуков. и формальн. особенностей народн. русск. яз.», 229.

[4]) «О нарѣчіяхъ», 56—5.

Горбатов. у.), также и отъ крестьянъ Владимирской г. Покровскаго у. [1]) (въ Москвѣ въ военномъ госпиталѣ), Тверской Корчевскаго [1]) у. (въ Петербургѣ, въ клиникѣ Вилье) и Оренбургской [1]) г. (случайно въ вагонѣ желѣзной д.). Кромѣ того, странно было предполагать въ этомъ явленіи вліяніе того нарѣчія, въ которомъ подобныхъ формъ до сихъ поръ не было извѣстно, когда ихъ возможно объяснить фонетическими и морфологическими причинами, вытекающими изъ свойствъ мѣстныхъ великорусскихъ говоровъ. Бѣлорусскимъ оттѣнкомъ можно было бы назвать именит. п. един. ч муж. р. или дат., твор. и мѣстн. един. жен. р. на *эй*, такъ какъ подобныя формы были извѣстны уже давно въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ [2]), но послѣдняго какъ разъ не знаютъ наши говоры. Только въ послѣднемъ недавно вышедшемъ трудѣ Карскаго [3]) находимъ формы множ. ч., почерпнутыя изъ Сборника Романова съ указаніемъ на Сѣнскій и Оршанскій уѣзды, на *эя* (*—ыя*) и т. п.: половэя, старэ́я, чужея, лубянэя, такéя. Въ болѣе раннемъ трудѣ Карскаго «Обзоръ звук. и формъ»... я ничего подобнаго не находилъ. Но и теперь, когда въ области бѣлорусскаго нарѣчія стали извѣстны подобныя формы, я не вижу никакой необходимости это совпаденіе нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говоровъ со средне-великорусскими объяснять непремѣнно вліяніемъ первыхъ на послѣдніе, такъ какъ и въ тѣхъ и другихъ эти формы могли развиться вполнѣ самостоятельно. Я уже предложилъ объясненіе этихъ формъ въ «Archiv für slavische Philologie» X, 350, гдѣ я призналъ въ нихъ явленіе не фонетическое, а морфологическое. Я именно вижу здѣсь вліяніе мѣстоименныхъ формъ, какъ тѣ—тѣхъ, однѣ—однѣхъ,—моѣ, твоѣ, моѣх, твоѣх,—ѣм,—ѣми и т. д., употребительныхъ въ тѣхъ же говорахъ; этимологическое *ѣ* въ нихъ доказывается какъ произношеніемъ (не *е*), такъ и исторіей русскихъ и другихъ словянскихъ нарѣчій. Что касается формъ косвенныхъ падежей, то *ѣ* здѣсь было уже въ древне-русскомъ и старословянскомъ; напомню нѣсколько примѣровъ изъ древне-русскаго, напр. Новгород. I лѣтописи по Синодальн. списку (фототипич. издан.): онѣмъ (дат. множ. 179, 193, самѣхъ 203, инѣхъ 35, 36, 41, 42, 81, 141 и мн. др., одинѣхъ 178, хотя нерѣдко и по образцу склоненія слитныхъ прилагательныхъ: онъіхъ 77, 180, инъіхъ 171, 181, 190 и др.; не говоря объ обще-извѣстныхъ въ др.-русскомъ, старо-словянскомъ и другихъ словян-

[1]) Эти три говора на *о*.

[2]) Карскій, Обзоръ зв. и формъ бѣлорус. р., 137; Потебня, Два изслѣдованія, 5; Колосов., Обзор. 225, 229.

[3]) «Къ истор. зв. и формъ бѣлорус. рѣчи». (Рус. Фил. Вѣстн. 1893, № 3, стр. 64, 57

скихъ нарѣчіяхъ тѣхъ, вьсѣхъ [1]) и т. д. Эти формы косвенныхъ падежей дѣйствовали съ одной стороны на формы косвенныхъ пад. другихъ мѣстоименій, гдѣ по фонетическимъ условіямъ должно было явиться *и* вм. *ѣ*, а съ другой стороны на формы именит. множ., гдѣ также искони и въ твердыхъ основахъ по извѣстной причинѣ (изъ дифтонга *oi* съ длительной долготой, по мнѣнію проф. Ф. Θ. Фортунатова) являлось *и* вмѣсто *ѣ*; такимъ образомъ въ діалектахъ явились съ одной стороны формы сѣх(ъ), моѣх(ъ) и т. п. вмѣсто старыхъ сихъ, моихъ и т. п. (отъ имен. ед. сь, мой и т. п.), напр. уже въ XV-мъ столѣтіи: въ сѣхъ строкахъ Послан. духовенства къ Шемякѣ 1447 [2]), въ XVI-мъ в.: до сѣхъ мѣстъ (рѣчь патр. Іова 1598 г.) [3]), сѣми часы (письмо В. кн. Василія III къ супругѣ Оленѣ 1526—1530) [4]), въ XVII в. по сѣхъ мѣстъ (куранты 1665 г,) [5]), въ соврем.: по сѣх пор (слышано мною въ дер. Плетнихѣ Василь-Сурскаго у. Нижегородской губ.), моѣх, моѣм, твоѣх и т. п. (въ разныхъ говорахъ Нижегородской и частію Симбирской губ.), съ другой стороны имен. множ. онѣ, тѣ, однѣ, всѣ и т. п. вмѣсто они, ти, *одини, вьси и т. п., далѣе при моѣх также моѣ и т. п., сѣ при сѣхъ. Кромѣ того, имен. пад. множ. ч. на *и* породилъ и въ косвен. пад. формы съ *и* вм. *ѣ*, которыя являются довольно рано: въ древ. новгородскомъ нарѣч. всiмь, всихъ, всими, всимъ, тимь (твор. един.), тимъ, тими [6]), соврем. бѣлорус. всих, всими [7]) и т. п., соврем. литерат. однйх и т. п. Я не могу согласиться съ проф. Соболевскимъ, что формы тѣ, однѣ, самѣ (уже въ памятникахъ [8]) XIV в.) вызваны формами всѣ, сѣ которыя, какъ и моѣ, суть собственно формы стараго винит. п. множ. ч. [9]) (*ѣ* изъ сочетан. гласн. съ носовымъ, соотвѣтственно съ

---

[1]) По предположенію проф. Ф. Θ. Фортунатова и А. А. Шахматова, формы множ. ч. и нѣкоторыя един. ч. (твор. вьсѣмь) этого мѣстоименія предполагаютъ имен. *вьхъ= литов. visas; при такомъ предположеніи является понятнымъ *ѣ* вм. *и*, ожидаемаго отъ мягкой основы вьсь: вьсѣхъ при *вьхъ тоже, что власѣхъ при влахъ; кромѣ того, ф. съ *х* доказана примѣрами изъ др.-русскаго: Новгор. I лѣт., 175 вхе полъ, грам. Варлама Хутын. 1192 г. вхоу (вин. ед. жен. р.); что касается вьсь, то оно образовано такъ-же, какъ и отьць, кънѧѕь и т. п.

[2]) Христом. Пенинскаго 1843 г., стр. 409 (изъ актовъ, издан. Археограф. ком.).

[3]) Ibid. 381.

[4]) Буслаевъ, Историч. христомат. 754.

[5]) Ibid 1143.

[6]) Шахматовъ, О языкѣ Новгород. грамотъ, 195.

[7]) Соболевскій, Лекціи, 135; Карскій. Обзоръ зв. и ф. бѣлор р., 135.

[8]) «Изслѣдованія въ области русской грамматики», 35. Нѣчего напоминать о томъ, что различеніе въ правописаніи литературнаго языка они и онѣ, одни и однѣ по родамъ не имѣетъ ни малѣйшей научной подкладки.

[9]) Соболевскій, Лекціи 1, стр. 140, Изслѣдованія въ обл. рус. грам. 15; Колосов., Обзор. зв. и ф. особ. 238.

старослов. ѣ); напротивъ, я думаю, что удержаніе формы винит. п. на *ѣ* въ послѣднихъ обязано вліянію *ѣ* въ первыхъ, въ которыхъ оно обязано ко-свеннымъ падежамъ; кромѣ того, *ѣ* въ формѣ всѣ, хотя и могло бы считать-ся формой вин. мн., какъ сѣ и моѣ, но естественнѣе выводимо изъ косвен-ныхъ пад. наравнѣ съ тѣ и т. п. Въ отдѣльныхъ великорусскихъ говорахъ вліяніе этого *ѣ* распространяется и далѣе, вслѣдствіе чего являются формы, какъ с' кѣх пор (вм.—коих—) въ Курмыш. у. Симбир. губ., гдѣ звукъ *е* нельзя объяснять какъ результатъ стяженія *ои*, а скорѣе какъ перенесе-ніе изъ формъ тѣх, сѣх и т. п.; мнѣ кажется, что, еслибы въ корнѣ этого мѣстоименія былъ согласн. негортанный, то вм. *е* (*ѣ*) мягкаго яви-лось бы *э* (*е* твердое). Въ тѣхъ-же великорусскихъ говорахъ употребительн и вышеуказанныя формы прилагательныхъ, въ которыя вслѣдствіе поздняго ихъ происхожденія мѣстоименный звукъ *е*(этимологич. *ѣ*) перешелъ, н измѣнивъ твердаго характера предшествующаго согласнаго, обусловленна следующимъ за нимъ *ы* или *о* (въ мѣстн. п. един. ч.); такимъ образомъ по моему мнѣнію, худэх и т. д., а затѣмъ и худэи возникли по образц тѣх—тѣ, а вслѣдствіе частаго смѣшенія формы мѣстн. пад. съ ф. творит (сравн. въ тѣхъ-же говорахъ с'нём вмѣсто с'ним и на оборотъ в ним ф тѣм вм. в нём, в том) и въ мѣстн. един. является худэм по образц тѣм.

А. А. Потебня, съ которымъ я бесѣдовалъ по поводу этихъ форм въ послѣдній годъ его жизни весною 1891 г., не могъ согласиться съ м имъ объясненіемъ потому, что при дѣйствіи аналогіи онъ ожидалъ бы пол наго совпаденія, т. е. не только звукового характера *е*, но и смягчені предшествующаго ему согласнаго, а именно напр. *худѣх, а не худэ какъ извѣстно, Потебня не любилъ злоупотреблять объясненіями помощі аналогіи, а потому и здѣсь онъ предпочелъ увидать стяженіе, можетъ быт изъ формъ *худыех, *молодыех (—ыѣх?), подобныхъ формамъ тые добрыех или ситск. горькіеф, чужіеф [1] и т. п., молодые робятам [2] Череп. Новг. г.

Дѣйствительно, говоры праваго берега средней Волги (особенно Нижег родской и Симбирской губ.) богаты примѣрами стяженія; въ говорахъ Ку мышскаго уѣзда, напримѣръ, весьма обычны формы: знат вмѣсто знаё мот, мом, вмѣсто мòёт, мòём, цалỳт вмѣсто цѣлỳет и т. п., г второй неударяемый гласный всецѣло поглощается первымъ ударяемымъ,

---

[1]) Изслѣдованія въ области рус. грам. 74.

[2]) Колосов, Обзор. звук. и форм особ., 229, 99—100.

даже пэхъл вмѣсто поѣхал(ъ), гдѣ второй ударяемый гласный ассимилируетъ себѣ первый неударяемый, сохраняя его твердый характеръ, пыжжа̀й вмѣсто поѣзжа̀й, гдѣ сочетаніе неударяемаго *о*, которое, находясь за два слога передъ слогомъ ударяемымъ, должно было измѣниться въ глухой звукъ (*ъ*), съ неударяемымъ *е* (*ѣ*), въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударяемому измѣнившимся, вѣроятно, въ краткое *е*, близкое къ *и*, дало нѣчто вродѣ того, что̀ мы имѣемъ въ нѣкоторыхъ словянскихъ нарѣчіяхъ изъ сочетанія *ъ* (конечн. гласнаго основы)+*и* (мѣстоименіе) въ окончан. именительнаго падежа единственнаго числа мужск. рода именъ прилагательныхъ (напримѣръ польское dobry), т. е. звукъ *ы*; тоже явленіе, что̀ въ пэхъл, и въ челэк вмѣсто чело(*в*)ѣк(ъ). Но для того, чтобы убѣдиться въ происхожденіи худэх изъ худы̀ех и т. п., слѣдовало бы во первыхъ доказать, что послѣднія формы дѣйствительно существовали въ этихъ говорахъ, во вторыхъ доказать возможность стяженія ударяемаго *ы*+неударяем. *е* въ *э* (твердое *е*); что касается перваго вопроса, то думаю, что на него скорѣе слѣдуетъ отвѣтить отрицательно, такъ какъ и въ тѣхъ говорахъ, гдѣ доказано существованіе подобныхъ формъ, ясно позднее ихъ происхожденіе изъ именительнаго падежа на *ые*; что же касается второго, то изъ разсмотрѣнныхъ случаевъ стяженія уже ясно, что ы̀е [1] могло дать только *ы*, а никакъ не *э*, которое могло получиться только изъ ыѐ (ыѣ̀), т. е. изъ сочетанія неударяемаго *ы* съ ударяемымъ *е* (*ѣ*), хотя вообще примѣровъ стяженія ые въ этихъ говорахъ мнѣ неизвѣстно. Вслѣдствіе этихъ соображеній я пока не вижу никакой причины, почему бы я долженъ былъ отказаться отъ предложеннаго мною еще семь лѣтъ тому назадъ объясненія. Что касается мѣстоименной формы кѣх вмѣсто ко̀их(ъ), то относительно ея не можетъ быть никакого сомнѣнія, что никакого стяженія тутъ нѣтъ, ибо *о̀и* никогда бы не дало *е* (*ѣ*), вслѣдствіе чего я это *е* и позволилъ себѣ обозначить буквою *ѣ*, чтобы показать его полное тожество съ *ѣ* въ тѣх.

Затѣмъ мое вниманіе останавливаетъ на себѣ частица кес' (кесь) въ значеніи «кажется». Въ Толковомъ словарѣ Даля это слово объяснено такъ: «кесь или кесть Влад., Моск., Ряз., Тамб., кажется, кажись, видится, некакъ, будто-бы. Кесь на̀-небѣ хочетъ хмуриться». Очевидно, прибавка «или кесть» вызвана ошибочной этимологіей самого Даля, которому казалось, что это вмѣсто какъ есть; по крайней мѣрѣ иначе я не могу объяснить ея себѣ, такъ какъ фонетически *т'* (ть) не

[1]) Т. е. сочетаніе ударяемаго *ы*+неударяем. *е* (*ѣ*). При стяженіи въ нашихъ говорахъ вообще всегда одерживаетъ верхъ ударяемый гласный надъ неударяемымъ, въ какомъ бы порядкѣ одинъ за другимъ они ни стояли.

могло бы удержаться. Какъ было упомянуто выше, слово это было отмѣчено Гуляевымъ въ числѣ словъ, употребительныхъ въ Василевѣ Майданѣ у такъ называемыхъ «пановъ». Но, какъ я уже говорилъ, здѣсь нѣтъ ничего западно-русскаго, а ссылка Даля на Владимірскую, Московскую, Рязанскую и Тамбовскую губ. еще болѣе убѣждаетъ въ этомъ. Прежде, чѣмъ предложить этимологію этой частицы, я приведу нѣсколько примѣровъ ея употребленія и значенія. Въ разговорѣ, напечатанномъ Колосовымъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ I, стр. 163 и перепечатанномъ Смирновымъ въ «Сборникѣ древне-русскихъ, памятниковъ и образцовъ народной рѣчи» 177, изъ Арзамасскаго уѣзда Нижегородской губ., нѣкто на вопросъ о качествѣ муки отвѣчаетъ: «кесь гожа» (т. е. «кажись» или «кажется, хороша»). Мною слышано въ с. Тепломъ Станѣ Курмышскаго уѣзда Симбирской губ.: «каке́[1] скро̀мны да ті̀хи—кес' кра̀сны дѣ̀вушки»: «кес' мъл єво̀ го̀лъс» (= «кажется (молъ) его голосъ»). Изъ этихъ примѣровъ видно, что значеніе кес (кесь)—«ка̀жется», «кажи̂сь», «сло̀вно» и т. п. Надѣюсь, что нарѣчное употребленіе слова кажи̂сь всѣмъ извѣстно, такъ какъ встрѣчается во многихъ говорахъ, а по атимологіи оно не что иное, какъ повелительное наклоненіе отъ глагола «казаться», употребленное вмѣсто и въ значеніи изъявительнаго. Основываясь на тождественности или по крайней мѣрѣ близости значенія кес' и кажи̂с', я постараюсь привести кое-какія соображенія относительно того, что и этимологически они тождественны. Для этого необходимо сдѣлать вѣроятнымъ во-первыхъ выпаденіе извѣстныхъ согласныхъ внутри слова между гласными и въ частности *ж*, во-вторыхъ стяженіе *а* неударяемаго + *и* ударяемое въ *é*. Что касается перваго вопроса, то на него можно отвѣтить утвердительно. Очень часто въ весьма многихъ говорахъ разныхъ славянскихъ нарѣчій и въ частности въ разсматриваемыхъ нами великорусскихъ говорахъ такому процессу подвергаются звучные гортанные и зубные (*г*, *h* и *д*) въ нашихъ говорахъ собственно зубные (*д*): гляй[2]) (причемъ передъ *и* не слышно *j*) вмѣсто глядѝ и даже гля̀ка, которое могло явиться лишь подъ условіемъ перенесенія ударенія на первый слогъ, сравни южновеликорусское[3]) и малорусское ра̀ить вмѣсто ра̀дить, напримѣръ у Квитки: «не

[1]) Стяженная форма вмѣсто какéи (не пишу *ѣ* потому, что *е* мягкое здѣсь не само по себѣ, а лишь вслѣдствіе положенія послѣ гортаннаго).

[2]) Я удерживаю буквы *я* и *ю* при записываніи говоровъ для упрощенія правописанія, разумѣя подъ ними или *а* и *у* послѣ небныхъ согласныхъ (если онѣ написаны послѣ согласныхъ) или сочетанія согласной *j* съ *а* и *у* (если онѣ написаны послѣ гласной или въ началѣ словъ).

[3]) Халанскій, «Свѣдѣнія и замѣтки о говорахъ русскаго языка», II... (сѣв. ч. Путивльскаго уѣзда Курской губ.): Р. Ф. В. 1886, XVI, 15.

наты, що громада нараe» (Малор. пов. II, 220); параллельныя этому явленія находимъ и въ южнословянскихъ говорахъ: хорутанск. le вмѣсто g l e отъ того же корня *глѧд-, grem отъ корня грѧд-(ст.-слов. грѧдѫ)[1], болгарское ѝзва(д)і Прилеп., гле(д)аме, ò (д) іт и другія[2]. Я не говорю о нѣкоторыхъ другихъ согласныхъ, которые во многихъ словянскихъ нарѣчіяхъ подвергаются выпаденію между гласными или въ началѣ словъ и наоборотъ иногда появляются вновь; таковы особенно спиранты *в*, *х*, *h*, *j*. Для выпаденія собственно *ж* я не могу привести несомнѣннаго примѣра не только въ нашихъ говорахъ, но и въ другихъ говорахъ различныхъ словянскихъ нарѣчій. Тѣмъ не менѣе кажется несомнѣннымъ, что явленіе это наблюдается въ формахъ двухъ глаголовъ, хотя я не отрицаю, что причина его можетъ быть нефонетической.

Во многихъ южно-великорусскихъ, малорусскихъ и южнословянскихъ (болгарскихъ) говорахъ встрѣчаются формы безъ *ж* тамъ, гдѣ оно приходилось между двумя гласными. Я приведу нѣсколько примѣровъ. Даль въ своемъ словарѣ отмѣчаетъ слѣдующее: «кàе кур(ск). вор(онеж). сокращенное кàже, онъ говоритъ или сказалъ, онъ баитъ, молъ, де, дескать. Онъ кàе, не пойду, кàе.....». М. Е. Халанскій въ числѣ словъ описаннаго имъ Путивльскаго говора Курской губ.[3]) приводитъ глаголъ «кàить говорить», не приведя, къ сожалѣнію, примѣровъ его употребленія, вслѣдствіе чего я позволю себѣ усумниться, чтобы авторомъ дѣйствительно была слышана форма неопредѣленнаго наклоненія кàить, и думаю, что онъ её построилъ теоретически на основаніи слышаннаго имъ 3 лица единственнаго числа кàе или кàэ или кàи. Для восточно-малорусскаго можно привести много примѣровъ изъ повѣстей Квитки и сказокъ Манжуры. И замѣчательно, что у Квитки кáэ (такъ, съ твердымъ неіотованнымъ *э*, а не *е*) часто чередуется съ кàже. Напримѣръ: отъ и кàже имъ: «Чòмъ же вы не хрыстòсуетесь?» А Васыль и кàэ: «Несмію, пан-òтче!»—«Чомъ несмíты?» кàэ Наумъ... (Старый Наумъ выпывъ чàрку горілкы передъ обідомъ, а Васыль неставъ; бо кàэ, ще непочынàвъ її пыты,....; отъ Наумъ кàже....... ёму кàэшъ— негодытця; а винъ чухаетця, та кàэ: «ничавò-ста»..... Ну, намалёвàвшы, тай кàэ намъ «теперъ, хлòпци, дывітеся, що за кумèдыя буде». А мы

---

[1]) Разумѣется, съ этимъ не слѣдуетъ смѣшивать спеціально хорутанско-словѣнскаго и хорватско-чакавско-кайкавскаго выпаденія *d* въ общесловянской группѣ *dj*.

[2]) П. А. Лавровъ, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка, 108.

[3]) Рус. Фил. Вѣст. 1886 г. ч. XVI, стр. 14. Впрочемъ выпаденіе *з* и затѣмъ *а* или, можетъ быть, цѣлаго слога *за* можно видѣть въ частицѣ дѣскать изъ *дѣ е-сказати; вторая половина здѣсь также неопредѣленное наклоненіе.

кȁэмо: «а ну, ну; щȍ—тамъ бȕде?» [1]. Такое-же колебаніе между фо[рмами] мами съ *ж* и безъ *ж* находимъ въ сказкахъ, записанныхъ въ Харьковск[ой] и Екатеринославской губ. Манжурою: «Давайте, цыганъ каэ, хто кого пер[е]зива»....... «Э ни, каэ цыганъ, давайте, хто кого передрима»...... (Але[к]сѣевка Александровскаго уѣзда) [2], но въ той-же деревнѣ каже [3]; рядом[ъ] «Пиду, каэ, ляжу на шляху, може хто забье».... «Идить же, каже, дядь[ку] та ляжте у жыти»...... «Йижте, каэ, дядьку»..... [4]) Далѣе вслѣдствіе ст[я]женія является правильно *ка*: Бувъ соби дидъ та баба и унадывсь до ны[хъ] довгомудыкъ курчатъ таскаты. Перетаскавъ усихъ, а то прыйшовъ и кур[]почку забравъ. Отъ дидъ и *ка*: «пиду я, бабо, вбью довгомудыка»..... [5] (Ольшана Богодуховскаго уѣзда Харьковской губ.). Такую же стяженн[ую] форму представляетъ и слѣдующій примѣръ, записанный въ Лукояновскомъ Нижегородской губ. [6]): «а катца в нашим силѣ самаму яму быть не сл[у]чилось»; хотя ударенія не разставлены, но ясно, что слѣдуетъ читать кȁп[ца], которое изъ *кȁжется черезъ посредство *кȁэццȁ. причемъ э въ слогѣ пос[лѣ] удареннаго должно было сильно ослабиться. Недавно еще А. В. Ветуховы[мъ] изъ одного южновеликорусскаго говора Харьковской губ. [7]) приведе[на] замѣчательная форма 1 лица единственнаго числа куȕ: «я ку'ȕ: [] атправляйсь», «я ку'ȕ: ни пайдȕ въ халȍдную»; неіотованное *у* (не *ю*) инт[е]ресно сопоставить съ неіотованнымъ *э* формъ 2-го, 3-го лица единственна[го] числа, 1 лица множественнаго числа и т. п.; оно доказываетъ, что съ вып[а]деніемъ *ж* между гласными не развивалось іоты; кромѣ того замѣчатель[но] первое *у* вмѣсто *а* подъ вліяніемъ второго *у*, чтȍ интересно сопоставить [съ] первымъ *а* въ малорусскомъ б*а*гȁтый, явившимся изъ *о* подъ вліяніе[мъ] слѣдующаго *а*.

Тоже самое извѣстно о формахъ настоящаго времени глаг. мочь. И[зъ] южно-великорусскаго говора Старобѣльскаго уѣзда Харьковской губ. Вет[у]ховъ приводитъ: «мȍ'е штȍ-нъ идє́ зарабйли» [7]) (...можетъ быть, д[ля] того, чтобы гдѣ нибудь заработать); но, къ сожалѣнію, нельзя навѣр[но]

---

[1]) Малороссійскія повѣсти Г. Ѳ. Квитки, изд. подъ редакціей проф. А. А. Потебн[и] т. I, 79, 80, 9, , также 11, 47, 71, 86, 96, 97, 107, 125 и многія другія.

[2]) Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ Екатеринославской и Харьковской г[у]берніяхъ Манжурою, Харьковъ 1890 г., стр. 112.

[3]) Ibid. 72, 120, 121.

[4]) Ibid. 6—7.

[5]) Ibid. стр. 1.

[6]) М. Колосовъ. Русск. Филил, Вѣстн. I, 1879, стр. 164; Смирновъ. Сборникъ...., 19[]

[7]) Говоры слободъ Бахмутовви и Новой - Айдари Старобѣльск. уѣзда Харько[вск.] губ., стр. 4. При формѣ ку'ý авторъ приводитъ также кужý (стр. 2) изъ того-же г[о]вора Бахмутовскаго.

рѣшить, читать ли тутъ *е* неіотованное или іотованное, такъ какъ авторъ, употребляя три знака *е*, *е* и *э*, лишь послѣднее употребляетъ исключительно для звука *е* неіотованнаго, знакъ же *є* у него выражаетъ не только звукъ іотованный, но также *е*, смягчающее предшествующій ему согласный, и не только въ качествѣ рефлекса стараго *ѣ*, но и въ значеніи этимологическаго *е* послѣ согласныхъ, при чемъ въ томъ-же значеніи у него является и буква *е*: не только впадáе, дѣла, но и бýде, привéсть, тикéть (стр. 2, 3, 5) при нéйдеть, атпрáвите, тикéть (стр. 2, 3). Обыкновенный знакъ *е* встрѣчается вообще рѣдко и б. ч. съ точками, какъ *ё*, для означенія извѣстнаго звука *о* или близкаго къ *о* послѣ *j* или мягкихъ согласныхъ; но есть случаи употребленія *е* (не *ё*) даже послѣ гласныхъ, можетъ быть, просто по недосмотру, а если преднамѣренно, то при мó'е (знакъ ' между *о* и *е*, вѣроятно, здѣсь не имѣетъ фонетическаго значенія) былъ бы любопытенъ примѣръ кусáецца, такъ какъ есть говоры (особенно сѣверные), въ которыхъ слышится неіотованное *е* именно въ подобныхъ случаяхъ (срв. Колосова „Обзор. зв. и ф. особ.....“ стр. 68); однако при непослѣдовательности употребленія о значеніи буквы *е* нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Интересно то, что при формѣ мó'е употребляются также мóжа и магéть въ говорахъ той-же слободы Бахмутовки, хотя авторъ говоритъ, что первое и послѣднее встрѣчаются чаще второго (стр. 5).

Подобно *ка* (изъ кáэ) путемъ стяженія является и мо изъ мóе (вѣроятно, мóэ). Примѣры мнѣ извѣстны изъ малорусскаго яз.: „Пидужъ я у хливець, *мо* тамъ удобнише“, „Оттакъ я пролежавъ та просыдивъ *мо* бильшъ мисяця............“ [1]) Не пройшло *мо* й недили після того [2]). У Пискунова отмѣчено: „мò—можетъ быть, словно“; послѣднее значеніе не относится ли къ слову другого происхожденія, а именно мо(в) изъ *мóлви?

Для сравненія интересно указать на то, что такія-же явленія отмѣчены въ области южнословянскихъ говоровъ и особенно болгарскихъ: Тудорка *каи* Ивану: „Ивани ле, либи ле.....“ (Словарь болгар. яз. А. Л. Дювернуа, подъ

---

[1]) „За злымы людьмы й хата не згорыть“, казка Алексѣя Грабины, Кіевъ, 1882, стр. 2, 6. Для согласія съ примѣрами изъ Квитки я замѣнилъ и здѣсь *і* и *и* черезъ *и* и *ы*.

[2]) „Старосвитськи казкы“ А. Грабины, Кіевъ, 1885, стр. 6. Я не ссылаюсь на ф. 2 л. ед. ч. мошь, такъ какъ не вижу здѣсь выпаденія *же*, какъ это думалъ Колосовъ (Обзор. 199), а считаю, что мош фонетически и отчасти подъ вліяніемъ другихъ формъ 2 л. ед. ч. изъ можь—можи какъ хош при малорус. хоч изъ *хочи=ст. слов. хошти подъ вліяніемъ оконч. шь въ другихъ формахъ 2 л. ед. ч. наст. вр. изъявит. (хошъ, хошь очень часто уже въ рукопис. XVII в., см. Лѣчебникъ Моск. Синод. б-ки № 362, л. 3б, 4б, 8а, 9б, 10а, 10б, 11а и др.). Это формы 2 л. ед. ч. наст. вр. изъявит. (во 2-мъ глаголѣ совпад. съ формою повелит. накл.), образованныя помощію суф. *і*, извѣстнаго въ литовскомъ. Указаніе на это сдѣлано пр. Фортунатовымъ. Форма мошъ или можь извѣстна также въ болгарск. (Словарь Дювернуа, стр. 1228) и сербо-хорватскомъ: у Марулича (Stari pisci hrv. I, 321) „Mož li mi ti kazat čisto te mi stvari, da je isto?“ У П. П. Нѣгоша: „Можли знати оче игумане, рашта ове горе уздрхташе?“ (Горск. Віенацъ, изд. 1847, стр. 91). Формы hoć, neć также извѣстны въ старохорватск. (см. „Живот. Алекс. Вел.“, Starine III, стр. 228, 236, 297 и др.) и соотвѣтствующія имъ hoč, oč въ словѣнскомъ (Archiv f. slav. Philol. XI, 588); въ

словомъ)... Зимали сѣкой, кой колко *мои* да носи. Ч. 312 (ibid., стр. 1228). „И прочетохъ малко на него и написахъ нумарити, защо таи трибува за скору да *моишъ* да намеришъ, конто празникъ трасишъ“ (приписка 1829 г. къ рукописи Н. С. Тихонравова XVII столѣтія, П. А. Лавровъ, Обзоръ звуков. и форм. особ. болгар. яз., стр. 6). Я не пользовался богатыми матеріалами по болгарской діалектологіи, напечатанными въ нѣсколькихъ томахъ Сборника болг. минист. нар. просв., но надѣюсь, что и тамъ могутъ попасться относящіеся сюда примѣры. Но особенно много такихъ примѣровъ мнѣ попалось въ изданныхъ Миклошичемъ образцахъ языка начала XIX столѣт. теперь орумынившихся Чергедскихъ Болгаръ, а частію и въ образцахъ языка венгерскихъ Болгаръ („Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen“ въ VII т. „Denkschriften“ Вѣнской Академіи 1856 г.): Zantui *kaie* i Tobias (=Потому говоритъ и Товій) (гл. I); Christus..... *kaie* apostolentem (IV) (....говоритъ апостоламъ); Christus ssam si *kaie* pri Evangelistas Johanes (VI); Jellate sif, *kaie* bosi szin, sto si gresi ste tovareni (=Придите всѣ, говоритъ Божій Сынъ, обремененные грѣхами, XXXIII); toie *moie* dá primenie moie strach faf vesseli (онъ можетъ обратить мой страхъ въ радость, гл. XIV); *moieme* li napalni dessentaf porontsenie?.... Ne *moieme* (=можемъ ли исполнить десять заповѣдей?.... Не можемъ..... гл. I). Срв. статью Цонева „Трансилванскитѣ българи и тѣхнитѣ молитви“, Прѣгледъ II г., I кн., стр. 48. Въ языкѣ венгерскихъ Болгаръ встрѣтился мнѣ даже примѣръ въ формѣ 1 л. ед. ч.; а именно въ одной сказкѣ, приведенной Миклошичемъ въ сочин. „Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen“ (1883), на стр. 36 подъ *d*, старецъ проситъ у путника хлѣба, а путникъ отвѣчаетъ: „ni mójъ dъ ti dám“. Только здѣсь, повидимому, полнаго исчезновенія согласнаго, каковое въ русскихъ формахъ ка́э и куу́, нѣтъ, а лишь измѣненіе *ж* въ *j*, какъ и въ немногихъ примѣрахъ, извѣстныхъ мнѣ изъ области сербо-хорватской. Шафарикъ (Serbische Lesekörner, 66) привелъ moje вм. može изъ Иванишевича и boje вм. bože (зват. п.) изъ Бандуловича (оба XVII в.); Даничичъ (Гласникъ Друштва србске словесности, IX, 1857, стр. 26) прибавилъ къ этому еще слую вм. служу изъ „Pistule“ (V Bnetcich 1586). Въ связи съ этимъ упомянемъ и серб. болг. немој въ повелит. наклон. (изъ *не мо(ѕ)и = немози, *не моги или *не можи?) [1].—Изъ другихъ

послѣднихъ, не смотря на возраженіе словѣнскаго ученаго Облака Раичу, я продолжаю видѣть рефлексы старыхъ формъ 2 л. ед. ч. наст. изъявит. Въ ф. ст. сл. хошти (Leskien § 138) лишь случайно совпали формы стараго желат. и стараго изъявит., формы же мо(ѕ)и и можи различались, ибо здѣсь не было причины совпаденія, каковая была необходимо въ хошти; лишь позднѣе, подъ вліяніемъ различныхъ аналогій, въ отдѣльныхъ словянскихъ нарѣчіяхъ могло произойти употребленіе можи въ см. повел. (=стар. желат.). Суф. *i* въ соединен. съ конечнымъ гласн. основы *e* даетъ *ei*=слов. *u*, въ литов. же *ie*, напр. sukiés, сократившееся въ открыт. слогѣ въ *i* (suki) (Kurschat, Gram. der lit. spr., стр. 274 и 297);—какъ слов. *i* бываетъ разнаго происхожденія, такъ и литов. *ie* (изъ стар. *ei* и стар. *oi* съ длительн. долготой).

[1]) Д. Матовъ („Гръцко—българскп студии“, София, 1893, стр. 4) сопоставляетъ выпаденіе согласныхъ между гласными въ болгарскихъ, особенно въ македонскихъ

словянскихъ нарѣчій j является вмѣсто *ж* въ чешско-моравской группѣ, но, повидимому, лишь передъ слѣд. *ч* или *с*: извѣстно новочешск. литературн. půjčiti при стар. požičiti, моравск. požčati [1]); единственный примѣръ ф. moj вм. móž (изъ može 3 л. ед. ч.) стоитъ передъ *s* слѣдующаго слова: veš kraj moy sie tiem pronésti N. Rada 762 [1]); *ž* измѣнилось въ *j*, вѣроятно, лишь послѣ ослабленія и затѣмъ исчезновенія слѣдовавшаго за нимъ гласнаго (*i* или *e*); что касается приводимаго Гебауэромъ [1]) моравскаго „aj se hory zelenaly“ изъ сборника Сушила 749, то еще вопросъ, какъ понимать это *aj*: м. б. оно и не вмѣсто *až* передъ *s*, какъ думаетъ Гебауэръ, такъ какъ у Сушила часто частица *aj* и въ другихъ случаяхъ, напр. „Osvít' doly hory *aj* do novej komory 465. Примѣровъ, вполнѣ подобныхъ нашимъ, я не нашелъ ни у Шемберы („Základové dialektologie česko-slovenské“), ни у Бартоша („Dialektologie moravská“, I d.).

Таковы факты, но объясненіе ихъ довольно затруднительно. Въ ф. 2 и 3 л. ед. ч. глагола могу́ можно предполагать постепенное ослабленіе согласныхъ *г* или *h*, который еще болѣе на это способенъ, перенесенныхъ по аналогіи изъ формы 1 л. ед. ч., какъ показываютъ южновеликор. маге́ш, маге́т' (срв. выше стр. 24 и 33), или словацк. 1 л. ед. ч. muahem [2]), предполагающее *h* вм. *ž* и въ 3 и 2 л. Но при этомъ предположеніи смущаютъ разница въ удареніяхъ южно-великорусскихъ формъ безъ согласнаго и съ согласнымъ *h* съ одной стороны и сходство въ удареніи формы безъ согласнаго съ формою съ согласн. *ж* съ другой (mahе́т', но мо́е и мо́жа). А что *h* и даже *г*(g) способны къ ослабленію до полнаго исчезновенія, извѣстно не только изъ такихъ примѣровъ, какъ великорус. и малорус. спаси́бо, бода́й и др., болгар. bózna (Kalina, Studyja, § 150) [3]), кайкавск. bòme при bògme [4]), гдѣ *h* или *g* исчезаютъ въ концѣ слова или при соединеніи его въ одно со слѣдующимъ, начинающимся съ согласнаго звука, но и изъ такихъ, какъ: старочешск. B*ou*slawa вм. Bohu—, sau вм. sahu (přisa*h*u, přisa*h*ám) [5]); южно- и западно-великорус. б(л)асловм Курск. (Колосовъ, Обзор., 199, Будде, Къ діалектологіи... 91), *бла*словлѣнье, *бла*словляю грам. Полотск. еписк. 1300 г. (Смирновъ, Сборникъ др. рус. пам. 43) (въ этомъ словѣ даже и въ сѣв. великор., см. „Опежскія былины“ Гильфердинга, 79); сѣверно- и восточно-великорус. княиня (Колосовъ, Обзор., 197) (срв. Лекціи Соболевскаго, 1-е изд., ст. 89—90), гдѣ особыя условія для исчезновенія *g*

говорахъ съ подобнымъ явленіемъ говоровъ греческихъ, но мы видѣли, что то-же наблюдается и на далекомъ сѣверо-востокѣ независимо отъ греческаго вліянія (срв. Колосова „Обзор.....“, стр. 197).

[1]) I. Gebauer, Historická mluvnice jazyka českého, Díl I, стр. 516.

[2]) Pastrnek, Beiträge zur Lautlehre der slovakischen Sprache in Ungarn, стр. 145.

[3]) Въ болгарскихъ говорахъ, какъ слѣдъ ослабившагося *г* (h) является иногда *j*: Буйдан вм. Богдан въ Родонскихъ говорахъ („Славиеви гори“ 1894, кн. IV, стр. 204=40, запис. Шишковъ); срв. Bochdan у Калины въ „Studyja nad historyją języka bułgarskiego“ § 102.

[4]) V. Rožić, Kajkavački Dijalekat u Prigorju, U Zagrebu 1894, стр. 18.

[5]) Gebauer, Histor. mluvnice, I, 466.

вслѣдствіе положенія передъ мягкимъ гласнымъ; болгар. коа, сеа вм. кога, сега [1]); boàt и bȁt изъ bohàt, *оо́й* вм. *оhо́й* и т. п. въ Столбицкомъ Резьянскомъ говорѣ, въ которомъ Бодуэнъ-де-Куртенэ [2]) отмѣтилъ особенную наклонность къ утратѣ *h* во всякомъ положеніи, при чемъ въ этомъ звукѣ слились тамъ старое *г*(g), стар. *h* [3]) и старое *x*, а судя по описанію его, представленному авторомъ въ § 8, этотъ звукъ очень слабъ и похожъ (но нетожественъ съ нимъ) на нѣмецкое *h*, что замѣчаетъ и относительно болгарск. *x*(*ch*), слабо произносимаго въ восточныхъ и совершенно исчезшаго въ западныхъ говорахъ, пр. Калина (Studyja nad hist. języ. bułg., § 146); что касается стараго *x*, то оно отличается слабостью и способностью къ исчезновенію и въ сербскихъ говорахъ (а именно въ говорахъ сѣверныхъ и восточныхъ, см. „Jihoslované“, стр. 78).—Но мнѣніе объ ослабленіи и исчезновеніи гортаннаго звука во всякомъ случаѣ примѣнимо лишь къ формамъ глагола мочь, а что дѣлать съ формами глаг. казать? Правда, въ болгарскихъ говорахъ встрѣчаются формы излегалъ М. 196 вм. излѣзлъ, излегвишъ М. 16 (Словарь Дювернуа, 911, 824), даже бърго вм. бързо (Калина, Stud., § 100), гдѣ *г* вм. *з*, но отъ глагола ка́звамъ подобныхъ примѣровъ не приводится. Проф. Фортунатовъ высказалъ предположеніе, что причина этихъ явленій, какъ и діалектическаго сербо-хорватскаго (преимущественно чакавскаго) и словѣнскаго *r* вмѣсто *ž*, извѣстнаго опять лишь въ единичныхъ формахъ (замѣчательно именно mȍre вм. mȍže и нѣкотор. друг.), нефонетическая. Въ болгарскомъ *мои* и т. п. дѣйствительно легко усмотрѣть новообразованіе къ абсорбированной глагольной основѣ *мо* послѣ того, какъ утратилось окончаніе формы неопредѣл. накл. *ти* (въ данномъ случаѣ *щти*), но что дѣлать съ русск. діалектич. мо́е, *мо* и съ формами русск. ка́э, болгар. каи и т. п., русск. куў? Отчего одно и то же лицо употребляетъ одно и то же слово одинъ разъ съ *ж*, другой безъ *ж*? Мнѣ кажется, что предположеніе о нефонетической причинѣ этихъ явленій слѣдуетъ измѣнить такимъ образомъ, что самое ослабленіе и выпаденіе звука происходитъ фонетически, но что причина ненормальности и непослѣдовательности фонетическаго явленія заключается въ особомъ психическомъ состояніи или, лучше сказать, особомъ психическомъ отношеніи именно къ извѣстнымъ словамъ тѣхъ лицъ, которыя употребляютъ ихъ въ плавной рѣчи въ

---

[1]) Kalina, ib. § 146; П. А. Лавровъ, Обзоръ зв. и ф. 108; Д. Матовъ, Гръцко—българ. студ., 4 стр.

[2]) „Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ“, стр. 12—13.

[3]) Т. е. то *h*, которое, по мнѣнію пр. Фортунатова, образовалось въ общеславянскую эпоху изъ *г* неслогов. между гласными съ ударен. на послѣднемъ; такое *h*, частію сохранившееся (въ чешскихъ, словацкихъ, в. лужицкихъ, нѣкот. словѣнскихъ, малорус., бѣлорус. и частію великорус. говорахъ, подвергаясь въ нихъ нерѣдко ослабленію до полнаго исчезновенія наравнѣ со всякимъ *h*), частію измѣнившееся въ *г* (въ большинствѣ великорусскихъ и кашубскихъ говоровъ), част. въ *g* (въ польскихъ, н. лужицкихъ, сербскихъ, болгарск. и б. ч. словѣнскихъ), имѣемъ въ ф. род. ед. ч. мѣстоимен. ср. и муж. р. того, его (срв. рецепз. Будде на кн. Булича „Ц. слав. элементы“, Казань, 1894, стр. 2).

качествѣ вводныхъ, а потому безъ особаго напряженія органовъ рѣчи; ослабленіе же напряженія, которое у одного и того-же лица можетъ быть различно въ разное время въ зависимости отъ его психическаго состоянія, вызываетъ, мнѣ кажется, такую-же редукцію согласныхъ *ж*, какая извѣстна во многихъ говорахъ въ качествѣ нормальнаго явленія у другихъ согласныхъ или, напр., у неударяемыхъ гласныхъ въ говорахъ съ экспираторнымъ удареніемъ. Разница послѣднихъ явленій отъ первыхъ лишь въ томъ, что они происходятъ по неизмѣнно дѣйствующему закону, независящему отъ психическаго состоянія говорящаго, занимающія же насъ явленія происходятъ вслѣдствіе небрежнаго отношенія говорящаго именно къ даннымъ словамъ и формамъ въ данное время, и такимъ образомъ здѣсь являются согласные неполнаго образованія, исчезающіе наконецъ безслѣдно [1]). Замѣчательно, что именно формы глаголовъ съ значеніемъ „говорить" и нѣкоторыхъ другихъ вспомогательныхъ и вводныхъ во многихъ говорахъ подвергаются ненормальнымъ сокращеніямъ, обращаясь въ частицы: старослов. деши при дѣѣши (Супр. 223); великорус. де (дѣ) изъ *дѣе (3 л. ед. ч.) или м. б. изъ ф. 1 л. ед. ч. дѣю черезъ посредство дѣи (срав. в. рус. знай, чай вм. знаю, чаю): въ грамотахъ нерѣдко деи, н. пр. Вологод. 1471—5, Рязанск. 1464—1501 (у Смирнова въ Сборникѣ др. рус. пам. 94, 97, срв. Ягича „Das Leben der Wurzel *dê* in den slavischen Sprachen", стр. 38—40, „Критическія замѣтки" 59, Соболевскаго лекціи, стр. 175); великорус. мъл, мол изъ *мóлви (или 3 л. ед. ч., или повелит. н., или м. б.=*мóлвю 1 л. ед. ч. вмѣсто *мóлвлю); великорус. бай изъ 1 л. ед. ч. баю („Я бай говорилъ яму, штобы ёнъ бай съѣздилъ, а ёнъ бай не послухалъ". Калуж. Малоярослав. Изъ рукописи В. И. Даля); великор. Курмыш. Симб. г. бат въ смыслѣ „мол"; Вологод. Арханг. гыт (говоритъ, Колосов., Обзор, 199); галицко-малорусск. чей (=великор. чай, я чай, чат): „скучно ёму чей не буде" (Сочиненія Федьковича, изд. 1876 г., стр. 1—2); чешск. prý (prej) и т. п. изъ *pravi (Gebauer, Hist. mluvn., 138, 437—438). Сравните также: словѣнск. (напр. у Водника, „Pesme" изд. 1840, стр. 2, а также нерѣдко и въ литературной прозаической современной рѣчи, напр. у В. Облака), кайкавск. (Valjavec, „Slavische Bibliothek" Миклошича, II, 303) и галицко-малорусск. naj (най) (часто въ сборн. пѣсень Головацкаго, у Федьковича и др.) вмѣсто нехай; болгар. нимъ вм. нимой, немой (слов. Дювернуа) и мн. друг. Все это явленія такого рода, въ которыхъ въ дѣйствіе звуковыхъ законовъ вмѣшиваются дѣйствія психическія.

Какъ бы то ни было, для нашего вопроса важно, что *ж* исчезаетъ въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ говорахъ въ формахъ 1-го, 2-го и 3-го л. един. ч. и 1 л. мн. ч. наст. вр. изъявит. н. глагола казать. Правда, это наблюдается въ тѣхъ говорахъ, которые употребляютъ этотъ глаголъ въ значеніи „говорить", но примѣръ кáтца, приведенный выше изъ мѣстности,

---

[1]) Срв. сказанное Сиверсомъ (Grundzüge der Phonetik[3], 232—233) объ ослабленіи согласныхъ въ „неэмфатическихъ" слогахъ.

насъ занимающей, указываетъ на возможность такого явленія и при другомъ значеніи этого глагола, особенно при соединеніи его съ возвратнымъ мѣстоименіемъ. Хотя мы не можемъ того-же доказать для формы повелит. н. кажи́ (въ значеніи ли „говори“ или „показывай“) или кажи́сь, существованіе и здѣсь подобной формы безъ *ж* не лишено вѣроятности, и я позволю себѣ предположить, что кес' есть не что иное, какъ стяженное *каи́сь. Противъ возраженія, что выпаденіе *ж* могло произойти лишь при удареніи на первомъ слогѣ, какъ показываютъ большинство примѣровъ, да и на основаніи общаго физіологическаго закона, что бо́льшему ослабленію подвергается слогъ послѣ ударенія, чѣмъ передъ удареніемъ [1]), противъ этого возраженія можно опять привести указанное Ветуховымъ старобѣльское (бахмутовское) куў, которое такимъ образомъ для насъ получаетъ особую цѣну. Появленіе формъ *каў= куў и *каи́, *каи́с' возможно уже вполнѣ нефонетически, т. е. какъ новообразованій къ формамъ ка́э̆, ка́э̆ш, ка́э̆мо, ка́ццӑ и т. п. А изъ сочетанія неударяемаго *а* съ ударяем. *i* я допускаю возможность появленія очень узкаго, близкаго къ *i*, *e*, такъ что *каи́с'=ке^{i}с'. Правда, мы ожидали бы скорѣе *кыс' или *кис', такъ какъ при стяженіяхъ у насъ обыкновенно ударенный гласный всецѣло поглощаетъ собою неударенный, послѣдній же оставляетъ слѣдъ лишь въ качествѣ предшествующаго ему согласнаго (въ данномъ случаѣ этотъ слѣдъ долженъ бы былъ выразиться въ твердости, но вслѣдствіе того, что гортанные не могутъ у насъ соединяться съ твердыми *э* и *и* или *ы*, это послѣднее должно было замѣниться черезъ мягкое *и*): поѣ́халъ дало пэхъл; если-же оба стягиваемыхъ слога лишены ударенія и предшествуютъ ему, то беретъ верхъ всецѣло слогъ предшествующій непосредственно ударенному, такъ что получается въ стяженномъ слогѣ та звуковая окраска, которая была опять во 2-мъ изъ стягиваемыхъ (ныжжа́й изъ *поѣзжа́й). Вслѣдствіе этого я не отрицаю нѣкоторой натяжки въ фонетическомъ отношеніи въ моемъ объясненіи, но приведенное Е. Θ. Будде значеніе этой частицы „какъ-бы“ изъ Касимовскаго у. Рязанской губ. („Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій, изслѣдованіе особенностей Рязанскаго говора“, стр. 136) (такое значеніе возможно допустить и въ слышанныхъ мною примѣрахъ въ Курмышск. у. Симбирск. г.) нисколько не противорѣчитъ моему объясненію. Во всякомъ случаѣ, пока не будетъ предложено другое, болѣе удачное, объясненіе этой частицы, я остаюсь при своемъ и написаніе ке́сть, которое опять нахожу въ книгѣ Будде, считаю вызваннымъ еще менѣе вѣрной этимологіей, чѣмъ моя. Кстати я позволю себѣ указать еще на одинъ случай не вполнѣ нормальнаго фонетическаго явленія: во многихъ

---

[1]) На основаніи этого закона, напр., еще въ общеславянскую эпоху неслог. *i* исчезло между гласными въ формахъ род. п. един. ч. словъ муж. и сред. р. съ основами на *о*, такъ что, напр., *вълкоi̯о дало *вълкоо (срв. греч. λύκου изъ *λύκοιο) и затѣмъ *вълкō (лит. vilko)=*вълка др. р. вълка, рус. во́лка, такъ какъ удареніе было въ слогѣ передъ неслогов. *i*, и то-же *i* неслоговое обратилось въ *h* въ формахъ того-же падежа мѣстоименій, такъ какъ удареніе было на послѣднемъ *о* (tohó, см. выше).

в.-русскихъ говорахъ извѣстна частица биш, напр.: „ка́к биш его́ зову́т“? и т. п.; изъ всѣхъ объясненій наиболѣе удачнымъ представляется мнѣ предложенное И. В. Ягичемъ („Критическія замѣтки по исторіи русскаго яз.“, 134), что это ф. 2 л. ед. ч. глагола ба́ить (фонетически вмѣсто *ба́ять); а именно ф. ба́иш (изъ *ба́ешь), употребляемая энклитически безъ всякаго ударенія, обыкновенно непосредственно послѣ ударяемаго слога предшествующаго слова, должна была обратиться въ *бъиш, гдѣ ъ краткій неслоговой звукъ изъ *а* въ слогѣ первомъ послѣ ударяемаго, а потому наиболѣе слабомъ, *и* же краткій, но слоговой звукъ, одержавшій верхъ, какъ составляющій слогъ болѣе далекій изъ слоговъ, слѣдующихъ послѣ ударяемаго; при небрежномъ произношеніи этого слова, какъ вводнаго, неслогов. ъ обращается наконецъ въ нуль и остается одно краткое *и*. Неясно одно: куда дѣвалась твердость *б*? Вѣдь сильно сократившееся *а* должно было оставить свой слѣдъ въ твердости *б*.

Еще немного остановлюсь на приведенной въ примѣчаніяхъ къ картѣ формѣ перинекъ. Я позволю себѣ предположить, что написано ошибочно вмѣсто пирене́к, такъ какъ это слово я всегда слышалъ съ удареніемъ на концѣ и съ *и* въ 3-мъ отъ конца слогѣ, несомнѣнно, изъ *е* по извѣстному закону измѣненія неударяемыхъ гласныхъ, указанному А. А. Потебнею, а затѣмъ физіологически объясненному въ извѣстной диссертаціи Богородицкаго. Этимологически это *перенькъ, уменшит. отъ *пе́рень, по суффиксу тожественнаго, думаю, съ камень при старослов. камы или корень при старосл. корѧ, причемъ „бѣглое“ *е* въ великорус. развилось позднѣе и неорганически, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Форма, указывающая на этимологическое *е* въ первомъ слогѣ, слышанная мною въ Курмышскомъ уѣздѣ Симбирской губ., чередуется съ формой съ кореннымъ *а*, обычной въ другихъ говорахъ и литературномъ русскомъ [1]). Разница между пер и пар могла бы восходить къ праязыку, хотя возможно предположить появленіе перваго *е* подъ вліяніемъ второго по закону гармоніи гласныхъ двухъ слѣдующихъ одинъ за другимъ слоговъ (срв. статьи Соболевскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1893 г., № 11 и 1894, № 11, стр. 27—30, а также Ягича „Studien über das altslovenisch-glagolitische Zographos-Evangelium“ въ I т. „Archiv für slav. Phil.“, стр. 17 и др., и Вондрака „Ueber einige orthographische und lexicalische Eigenthümlichkeiten des Codex Suprasliensis“..... въ 124 т. „Sitzungsberichte“ Вѣнской Академіи).

---

[1]) Е. Ѳ. Будде въ указанномъ сочиненіи (стр. 40) приводитъ пирене́къ изъ говоровъ Спасскаго уѣзда Рязанск. губ., объясняя это *и* изъ *а*; имъ же приведена и ф. ырыне́къ изъ Касимовск. у. (31, 40), гдѣ *ы* изъ неудар. *а* по тому-же закону, по которому я вижу въ первой формѣ *и* изъ неудар. *е*. Въ виду того, что предположенной мною формы *пе́рень не найдено, возможно, пожалуй, и предположеніе Будде, что *и* здѣсь изъ *а*, только не непосредственно, а черезъ посредство формы съ *ы*, т. е. *и* замѣнило *ы* по закону гармоніи (небный слогъ передъ слѣдующ. небнымъ), а *ы* изъ *а* по закону неудар. гласныхъ. Законъ гармоніи естественнѣе, конечно, могъ дѣйствовать въ слогѣ слабомъ (неударяемомъ) подъ вліяніемъ болѣе сильнаго, чѣмъ въ сильномъ (ударяем.), каковъ слогъ па въ па́рень.

Въ заключеніе я долженъ замѣтить, что статья моя была написана и закончена еще въ концѣ 1893 г. и передана въ январѣ 1894 г. многоуважаемому редактору „Живой Старины“ В. И. Ламанскому, которому и считаю долгомъ выразить свою глубокую благодарность за ея напечатаніе. Но такъ какъ въ отдѣльныхъ оттискахъ оказалась случайно выпущенною цѣлая страница, слѣдующая послѣ 32-й (она напечатана во II кн. „Живой Старины“ 1894 г.), то я рѣшилъ перепечатать её и все за ней слѣдующее до конца вновь, благодаря чему имѣлъ возможность кое-что здѣсь измѣнить и дополнить сообразно съ тѣмъ, что мнѣ удалось узнать и передумать за послѣдніе $1^{1}/_{2}$ года.

18 Февраля 1895 г.

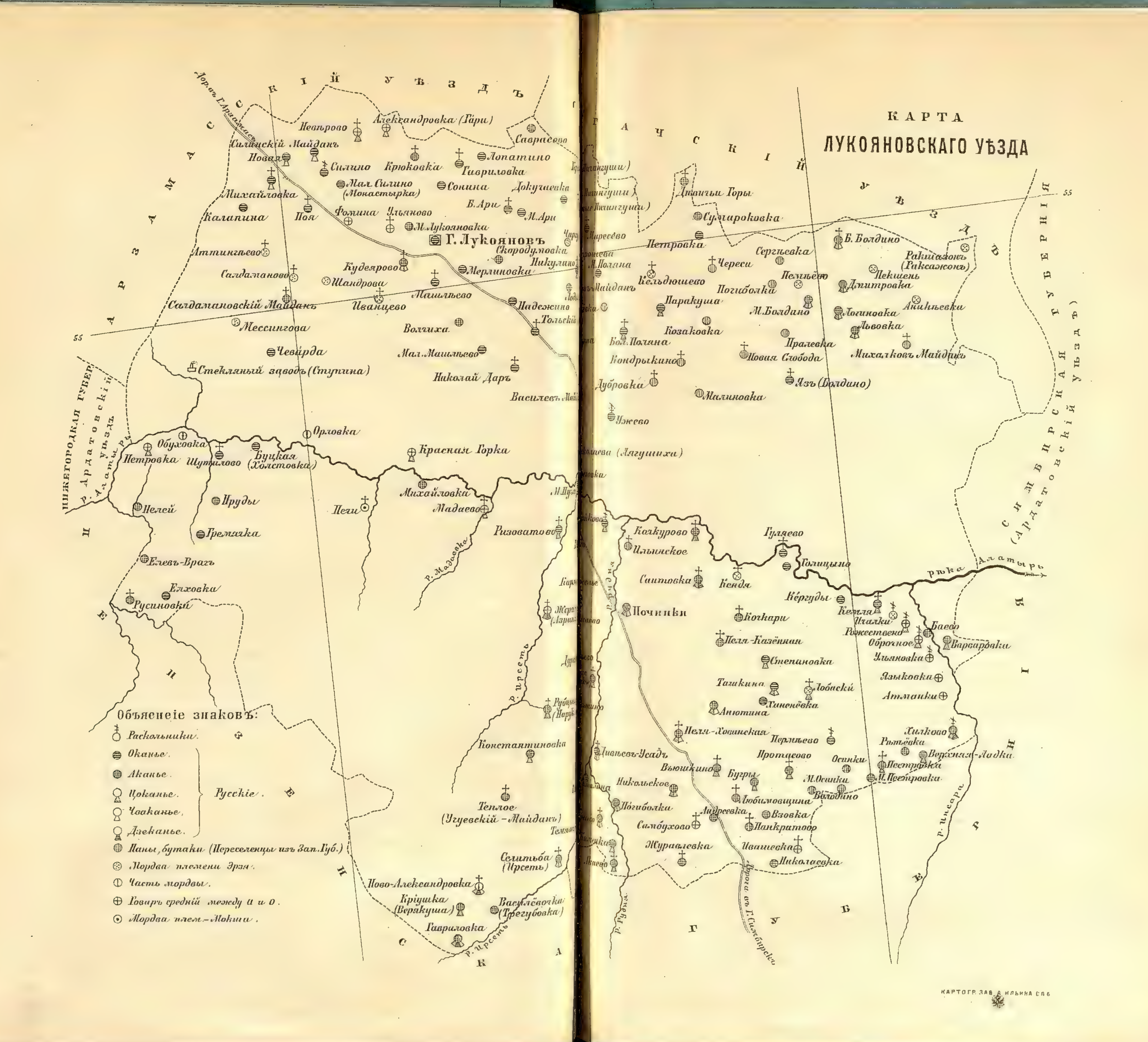
Б. Ляпуновъ.

ПОПРАВКИ и ДОПОЛНЕНІЯ.

Стр.	*Строка*	*Напечатано:*	*должно быть:*
4	13 сверху	ударяемыхъ	ударяемымъ
5	—	—	Слѣдуетъ прибавить, что мнѣніе о мягкомъ произношеніи *ц* и *ч*, близко къ польск. *ć*, было высказано уже Лескиномъ въ „Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung“ v. A. Kuhn, VI B., стр. 159.
6	сноска 1)	Ausnahmlosigkeit	Ausnahmslosigkeit
—	—	Deldrück	Delbrück
—	—	Einleitungen	Einleitung
—	сноска 2)	открытость	открытость,
—	строка 9 снизу	этимологическимъ	этимологическихъ
—	1 снизу	J	j
8	8 снизу	Mikolja	Mikkola
11	3 сверху	Васильевскаго	Васильскаго
—	5 —	губервіяхъ	губерніяхъ
—	8 —	Мордвы	Мордва
12	6 снизу	Васильевскомъ	Васильскомъ
14	1 сверху	приналдежавшемъ	принадлежавшемъ
—	12 —	„Поташной“ и	„Поташной“
—	сноска 3)	Нижегеродскій	Нижегородскій
16	строка 2 снизу	великорусскіе):	великорусскіе);
16—17	сноска 4)	пржити	пр̌жити
—	—	spirgįti	spìrgįti
18	— 5 —	западно-малорусск;	западно-малорусск.,
—	— 3 —	догадаться;	догадаться,
19	— 6 сверху	ферма	форма
—	— 8 —	пѣ̀ешъ	пяе́шъ. Кажется, однако, нельзя считать это спеціально бѣлорусскимъ, ибо Колосовъ приводитъ эти формы и изъ южно-великорус. говоровъ (Воронеж., Курск. и др., Обзор. зв. и форм. особ. 247).
—	сноска 1)	*въ с-пѣваю	*въс-пѣваю
—	—	прислівья	прислівъя
—	—	як умієм; так. и нієм	„як умієм, так и нієм“
19	сноска 1)	пѣсте	пѣете
—	—	44	44)
—	сноска 3)	Перстятковича	Перетятковича
21	строка 7 снизу	у	у.
22	сноска 1)	—	Е. Ѳ. Будде („Къ діалектологіи великорус. нарѣчій“, стр. 29) отмѣчаетъ *иканье* въ ущербъ *аканью* и нѣкоторыя общія черты съ сѣверно-великорусскимъ нарѣчіемъ на сѣверѣ Рязанской губ. и объясняетъ это колонизаціей съ сѣвера.

23	сноска [3])	склоненіе	склонное
—	строка 12 снизу	жовàть	жавàть
24	3 снизу	назадъ [1]);	назадъ [1]),
—	11 —	—	Срв. Колосова „Обзор.“ 79 (те*кот*, недося*гот* и др.).
—	сноска [1])	мöреш, мöре	мо̏реш, мо̏ре
—	—	общесловенскомъ	общесловянскомъ
—	къ сноскѣ [1])		Иначе объясн. Бругманъ это отступленіе ударенія слов.-литов. формы 1 л. ед. ч. наст. в. (Grundriss, I, 1886, 560).
24—25	—	—	„жжетъ“ вм. „ждетъ“ я понялъ въ смыслѣ 3 л. ед. ч. глагола жечь, но весьма вѣроятно, что авторъ записки разумѣлъ 3 л. ед. ч. гл. ждать, ибо ф. 1 л. мн. ч. жжомъ приведена напр. изъ Касимов. у. Ряз. г. Будде (Отчетъ о командировкѣ въ Рязанскую г., Казань 1895, стр. 36) именно вм. ждёмъ и *жж* вм. *жд* (изъ жьд-), но путь появленія *жж* изъ *жд*, я думаю, тотъ, который указанъ мною, и ф. жджёт въ нѣкот. говорахъ употребительна не только отъ гл. жечь, но и отъ гл. ждать.
25	стр. 7 снизу	отмѣнокъ	оттѣнокъ
—	сноска [1])	666—6 4	666—684
—	сноска [2])	букву *ѣ* пока	букву *ѣ*, пока
26	сноска [2])	бѣлору̊рс.	бѣлорус.
27	сноска [1]) стр. 1	предположенію	мнѣнію
—	— — 7	кън҃сь	кън҃ѕь
—	— — 7	такъ-же какъ	такъ-же, какъ
28	строка 3 снизу	знàёт	знàёт
—	— 2 —	мòёт, мòём,	мòёт, мòём,
29	— 10 —	*öи*	*òи*
30	— 13 сверху	дѣвушки“:	дѣвушки“;
—	— 17 —	атимологіи	этимологіи
31	— 3 —	гр҃ж.	гр҃д.
—	— 4 снизу	(Старый	Старый
—	— 3 —	ій	їй
—	— 3 —	На̊умъ	На̊умъ
—	— 1 —	тайкàэ намъ	та й ка́э намъ: (стр. 7)
—	сноска [3])	слого	слога
32	1—2 снизу	для того, чтобы гдѣ нибудь заработать	что нибудь гдѣ нибудь заработали бы
31	22 сверху	—	М. Е. Халанскій говоритъ, что ф. ка́ить передана ему другими записывателями.

Къ стран. 31—32: неіотованное э Квитки подтверждается и записями образцовъ говоровъ сѣверо-восточной Галиціи (Бродскаго повѣта), гдѣ также *кае, каи* чередуется съ *каже, кажи*, при чемъ передъ *е, и* не пишется *j*, какъ въ *чекаје, пізнаје, знајити* и т. п. („Житє і слово“, Львів, 1895, кн. II, стр. 219—220).

КАРТА
ЛУКОЯНОВСКАГО УѢЗДА
АРЗАМАССКІЙ УѢЗДЪ
ГАЧСКІЙ УѢЗДЪ
СИМБИРСКАЯ ГУБЕРНІЯ
(Ардатовскій уѣздъ)
НИЖЕГОРОДСКАЯ ГУБЕР.
Ардатовскій уѣздъ
ПЕНЗЕНСКАЯ ГУБ.
Дорога г. Арзамасъ
Дорога въ г. Симбирскъ
55
Г. Лукояновъ
Неврово
Александровка (Гари)
Саврасово
Силинскій Майданъ
Новая
Силино
Крюковка
Лопатино
Гавриловка
Мал. Силино (Монастырка)
Сонина
Докучаевка
Михайловка
Калапина
Поя
Фомина
Ульяново
Б. Ари
М. Ари
М. Лукояновка
Аттингѣево
Салдаманово
Шандрова
Кудеярово
Скородумовка
Мерлиновка
Никулино
Салдамановскій Майданъ
Иванцево
Машлѣево
Мадежино
Мессингова
Волчиха
Чеварда
Мал. Машлѣево
Стекляный заводъ (Ступина)
Николай Даръ
Орловка
Красная Горка
Обуховка
Петровка
Шутилово
Буцкая (Хвостовка)
Пруды
Пеги
Михайловка
Мадаево
Гремячка
Елевъ-Врагъ
Елховка
Русиновка
Ризоватово
Р. Мадаевка
Р. Алатырь
Р. Ирсеть
Константиновка
Теплое (Угуевскій-Майданъ)
Селитьба (Ирсеть)
Ново-Александровка
Кріушка (Веракуша)
Васильевочка (Трегубовка)
Гавриловка
Дивеевы Горы
Сумароковка
Петровка
Сергѣевка
Б. Болдино
Ракшаконъ (Ракшаконъ)
Череси
Кельдюшево
Погиболки
Пемьёво
Пекшень
Дмитровка
Паракуша
М. Болдино
Логиновка
Анинѣевка
Козаковка
Львовка
Бол. Полана
Пралевка
Михалковъ Майданъ
Кондрыкино
Новая Слобода
Язъ (Болдино)
Дубровка
Малиновка
Ужево
Кочкурово
Ильинское
Гуляево
Голицыно
рѣка Алатырь
Саитовка
Кендя
Починки
Кочкари
Кергуды
Пеля-Казённая
Степановка
Ташкина
Анютина
Пеля-Хованская
Пермѣево
Протасово
Вьюшкино
Никольское
Погиболка
Симбухово
Журавлевка
Ивашевка
Николаевка
Вазовка
Панкратово
Любимовщина
Осинки
Ульяновка
Языковка
Атманки
Варсардаки
Басов
Хилково
Ратѣовка
Верхняя-Ладка
М. Петровка
Р. Инсара
Р. Рудня
Р. Ирсеть
Объясненіе знаковъ:
Раскольники.
Оканье.
Аканье.
Цоканье.
Чоканье.
Дзеканье.
Русскіе.
Паны, бутаки (Переселенцы изъ Зап. Губ.)
Мордва племени Эрзя.
Часть мордвы.
Говоръ средній между а и о.
Мордва плем.-Мокша.
КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА СПБ.

-20

2